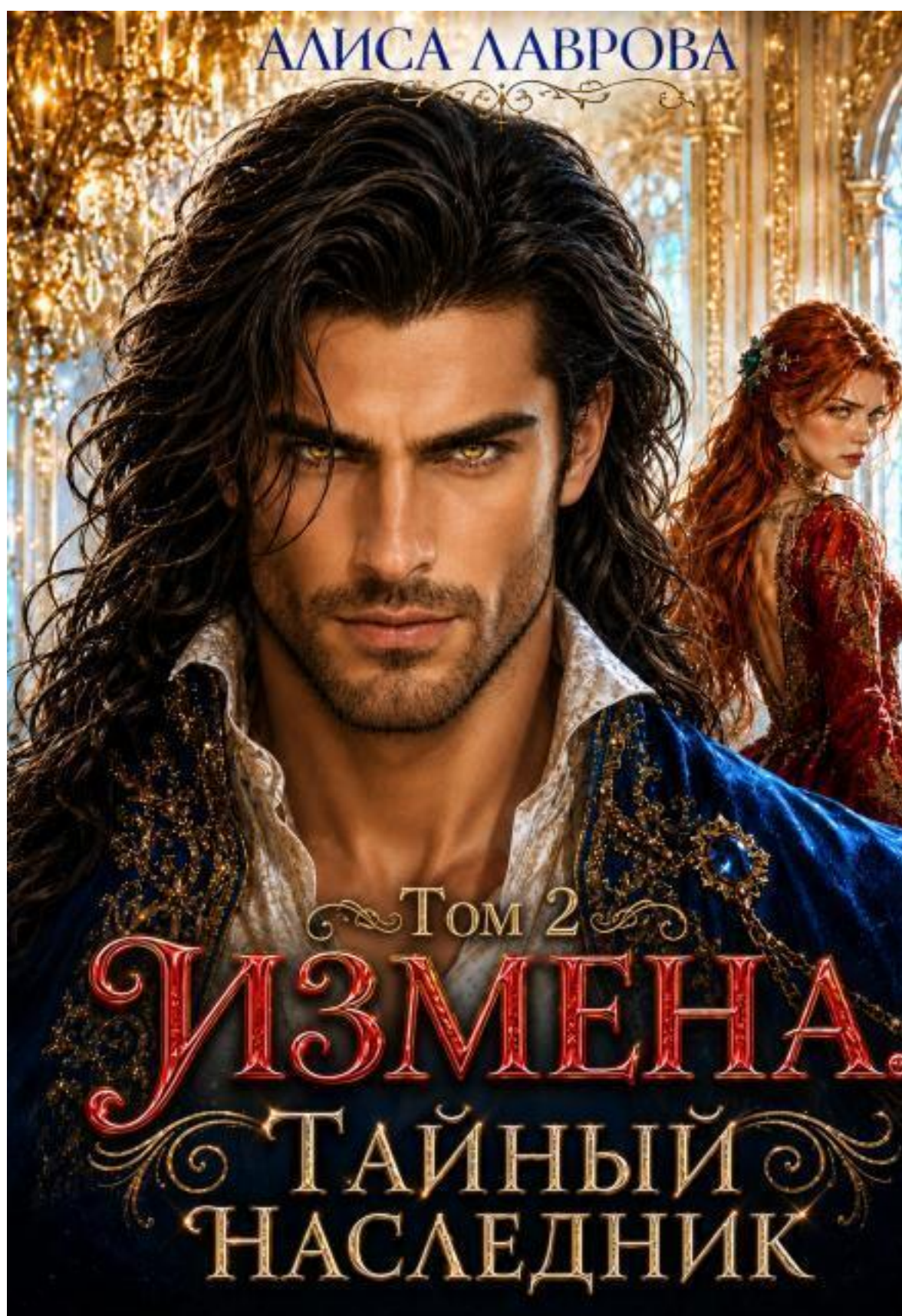

АЛИСА ЛАВРОВА

Том 2

УИЗМЕНА

ТАЙНЫЙ
НАСЛЕДНИК

Алиса Лаврова

Измена. Тайный наследник. Том 2

«Литнет»

2023

Лаврова А.

Измена. Тайный наследник. Том 2 / А. Лаврова — «Литнет», 2023

— За три года ты не смогла зачать наследника. Что ж, я принял меры,
— Но я... — Не хочу ничего слышать, — Каэн делает небрежный жест, останавливая поток слов, готовых слететь с моих уст. — Выйди и закрой дверь, сквозняк, — властным голосом бросает дракон. Я чувствую только, как по щекам текут слезы. Этого не может быть, только не мой Каэн. Почему он так жесток со мной? Опускаю голову, чтобы не видеть обнаженных девиц, стоящих перед моим князем и иду к выходу, чувствуя, что если остановлюсь, больше не смогу сделать ни шага. — Анна! Я с надеждой поворачиваюсь и смотрю в его огненные глаза. — Приведи себя в порядок, сегодня старик устраивает ужин и хочет видеть всех князей с женами. Я покорно киваю и выхожу. Прикладываю руки в животу и шепчу: — Он не узнает о тебе.

Содержание

1	5
2	6
3	8
4	10
5	12
6	15
7	17
8	19
9	22
10	24
11	26
12	28
13	30
14	32
15	35
16	38
17	40
18	42
19	44
20	46
21	48
22	50
23	52
24	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

1

Дорогие читатели!

Это второй том книги Измена. Тайный Наследник.

Поскольку книги неразрывно связаны, прежде, чем читать эту книгу, прочитайте, пожалуйста, первый том, который находится по следующей ссылке:

<https://litnet.com/ru/book/izmena-tainyi-naslednik-b444369>

Тем же, кто уже прочел первый том, предлагаю читать дальше!

2

Я задерживаю дыхание, глядя в глаза Иоса, полные ужаса. Слышу, как сзади уже подходят остальные два солдата, карабкаясь по камням. Латная перчатка появляется в проеме и хватается за край, вторая рука появляется следом.

Я чувствую, как жесткая рука солдата надавливает на мое горло и по нему течет струйка моей крови. Боли я не чувствую, лишь бешеный страх от невозможности найти выход.

— Брось арбалет, — кричит солдат, или я перережу девчонке горло. Другое оружие тоже бросай.

Арбалет с грохотом падает на каменный пол. Второй солдат залезает внутрь и переглядывается с тем, что держит меня.

— Убей мужика, — говорит тот, что держит меня и надавливает на клинок, прорезая мое горло.

Что-то внутри моего живота одновременно с этим взрывается и в следующую секунду словно бы заключает меня в непроницаемый кокон, сотканный из света. Я вижу тысячи нестерпимо ярко светящихся нитей, исходящих из меня. Рука солдата словно бы останавливается сама собой. Он хочет продвинуть ее дальше, лишая меня жизни без возврата, но рука его дрожит и не двигается с места.

— Что за черт... — бормочет он. — Я не могу двинуть рукой.

— Сержант сказал принести ее голову, не мешкай! — бросает второй и одновременно с этим Иос кидается на него с яростным криком. Он впечатывает солдата в парпет и тот, крича, перевешивается через него, зависая над пропастью.

Я сосредотачиваю все свои оставшиеся силы на том, чтобы укрепить сердце Иоса, который едва ли может противостоять солдату закованному в усиленную броню. Они балансируют какое-то время на краю, а после вместе срываются вни.

— Нет! — кричу я, одновременно вырываясь из рук того, кто меня держит. От неожиданности он ослабевает свою хватку и я успеваю подбежать к парпету, чтобы увидеть тени лежащих на земле людей.

— Иос! — причу я в ужасе, пытаюсь нитями нащупать его внизу, молясь, чтобы он был жив. — Иос, ты слышишь меня?

Но ничего не слышно. Почти все нити, что у меня есть, удерживают одного из солдат, другие же залечивают рану на моей шее.

Нет, пожалуйста. нет, пусть он будет жив, пожалуйста....

— Твой дружок сдох, я слышал, как хрустит его шея, когда он упал на камни, — слышу я голос.

Еще один, последний солдат легко запрыгивает внутрь и смотрит сначала на меня, потом на своего напарника.

— А ты чего? Не можешь прирезать хилую девку? — спрашивает он своего застывшего без движения напарника из хватки которого я вырвалась.

Он достает острый короткий клинок из ножен и делает шаг мне навстречу.

Следующее мгновение что-то невероятно быстрое и яростно кричащее вцепляется в его шлем. Я вижу маленькие лапки ящерики, обхватывающие его со всех сторон. Солдат взмахивает рукой, пытаюсь проткнуть ее, но не успеваю. В следующее мгновение ящерица раскрывает пасть и посылает ослепительную струю пламени в прорезь для глаз в шлеме солдата. Шлем раскаляется докрасна в считанные мгновения, и солдат падает замертво, не успев даже вскрикнуть. Его кинжал со звоном падает на пол.

Безумная тишина следующая за этим оглушает.

Нет. Иос не может быть мертв.

Клинк спрыгивает с тела солдата и шипя, двигается в сторону оставшегося, того, что поранил мне шею.

— Что ты сделала со мной? — спрашивает последний выживший солдат дрожащим голосом полным ужаса, он глядит на свои руки, которыми не может пошевелить, руки, которые чуть не убили меня пару мгновений назад. — Кто ты такая?

— Если бы я знала... — говорю я и поднимаю с пола клинок, что обронил другой солдат. — Но ты можешь считать меня своей смертью.

Я вижу, как бешено стучит сердце солдата, укрепленное доспехами. Он боится, он жалеет, что вообще пришел сюда. Но жалеть уже поздно.

— Пожалуйста, не надо, — просит он и падает на колени. — Я сделаю все, что хочешь, только пощади меня.

— Шевельнешься, и с тобой будет то же самое, что с этим, — говорю я солдату и киваю на лежащего на полу мертвеца.

Я ослабеваю хватку нитей и пускаю их все на излечение своей раны, из которой все еще струится кровь. По всему телу разливается тепло и свет, исходящий изнутри меня самой. Я благодарна этому свету, но даже он не может унять тяжелую боль в сердце.

Он соврал. Он сказал это специально. Иос не может умереть. Это невозможно. Он сильный, он справится, а я помогу ему. Нужно только спуститься вниз, найти его...

Солдат снимает с себя шлем и отбрасывает оружие, после чего встает на колени и поднимает руки.

— Что угодно, только не убивай.

Я с удивлением вижу, что по его лицу текут самые настоящие слезы.

— Если Иос мертв, то ты отправишься вслед за остальными, — говорю я холодно и цепляюсь за выступы лестницы, чтобы спуститься вниз.

— Клинк, убей его, если даже подумает дернуться, — говорю я ящерке и в ответ он выпускает язычок пламени в сторону рыдающего от страха солдата.

С бешено колотящимся от тревоги сердцем, я распространяю нити на всю округу, в поисках кого-то кто еще мог бы затаиться здесь. Но никого нет. Только едва теплющаяся жизнь внизу, там бьется одно сердце, но я не знаю кому оно принадлежит, Иосу, или солдату, который утащил его за собой.

3

Каэн

Что же ты делаешь... Драконе сердце в груди взрывается от ужаса. Все чувства разом усиливаются тысячекратно.

Сверкающая сила буквально раскалывает меня на части, когда я стрелой лечу наперерез летящей вниз черной фигурке в развинующихся одеждах.

Время замедляется, у меня есть лишь один шанс успеть поймать ее. Делаю резкий рывок у самой башни, и чувствую, как мои крылья задевают о камни, прочерчивая искристые следы из за переполняющей меня магической силы дракона.

Я вижу лицо Лилианы, она летит с закрытыми глазами вниз, словно ничего не видит и не слышит. Словно не страшится того, что делает.

Я знаю, что у меня есть лишь одна попытка, чтобы поймать ее, один рывок лапой, и если я не успею — она погибла. Я раздуваю силу еще ярче, вкладывая все в это единственное движение.

Одновременно с тем, как моя лапа касается Лилианы, она открывает глаза и со страхом смотрит на меня, не понимая, что происходит. Для нее прошла одна секунда, а для меня, как обладателя силы — гораздо больше.

Я взмахиваю крыльями, надежно держа Лилиану в лапе и огибая башню, сажусь на площадке для дракона, освещенной десятком факелов.

Люди что-то встревоженно кричат, видя меня, но я не обращаю внимания.

Бережно кладу Лилиану на землю и отхожу на несколько шагов.

Перевоплощаюсь обратно в человека и подхожу к вдове императора.

— Не толпитесь, говорю я охране, которая уже бежит, чтобы помочь встать Лилиане, — я сам помогу ей. Пошлите за ее братом. Где его черти носят, когда он так нужен?

Я подхожу к ней ближе и сажусь рядом. Осторожно трогаю ее за плечо, и сразу чувствую сильную дрожь, которая ее бьет.

— Вы не ранены? — спрашиваю я.

— Зачем ты это сделал? — слышу я ее голос. Она все еще не поворачивается, продолжая лежать на земле, свернувшись в позу эмбриона, закутавшись в свои черные одежды.

Мое сердце сжимается от жалости к девочке и одновременно я злюсь на нее. О чем она только думала? Решила, что это хороший выход из ситуации?

— Я должен был смотреть, как ты совершаешь чудовищную ошибку?

— Сейчас я бы уже была с ним, с моим мужем, в другом мире. А ты все испортил. Ты мерзавец!

Она поворачивает свое прекрасное лицо ко мне и я вижу, что глаза ее красны, словно она плакала несколько часов не переставая.

— Из любой ситуации можно найти выход, кроме ситуации, в которой ты мертв, — говорю я тихо, чувствуя, что мои слова вряд ли ее успокоят, но я должен что-то сказать.

— Нет ни одной причины жить для меня, Каэн Сандерс, я уже была мертва, когда умер мой муж, теперь я лишь тень, которая считает минуты, чтобы забыться сном, а утром встает с постели, не ожидая ничего хорошего от грядущего дня.

— Я предлагал тебе свою помощь, — говорю я, приближая свое лицо к ее лицу.

— Я больше ничего не решаю, — с горечью говорит она и встает на ноги. — У меня была только одна власть, власть над своей жизнью, и то мне не позволили сделать.

Она делает шаг вперед и толкает меня руками в грудь.

— Зачем ты прилетел? Что ты хочешь? Я уже все сказала тебе во время нашего прошлого разговора.

— Успокойся, — говорю я ей и делаю то, что считаю единственно возможным в этой ситуации, я обнимаю ее, прижимая к груди.

Сначала она дергается. пытается ударить меня, но я лишь глажу ее по спине и волосам. Пытаясь хоть немного утешить.

— Успокойся, я помогу тебе, ты должна благодарить драконьего бога, что я оказался рядом в нужную минуту.

— Отпусти меня, мерзавец, — плачет она и я чувствую, как моя рубашка намокает от ее слез. Однако отпускать ее я даже не думаю, продолжая держать, ожидая, когда она хоть немного успокоится.

— Спустя несколько мгновений она расслабляется и ее снова начинает бить дрожь, на этот раз от рыданий.

— Ты не знаешь, что это такое... Они все смотрят на меня, они все хотят растерзать меня, или воспользоваться, сделать пешкой в своей игре. Эти взгляды, эти отвратительные взгляды, через которые ясно видны их мысли. Этот Салемс... Он станет наместником, он сделает из меня свою шлюху, и Тайдел не поможет мне. Мне никто не поможет.

— Я могу помочь тебе, Лилиана.

— Ты хочешь сделать меня еще одной своей женой, Каэн, а я не могу быть ничьей женой, никогда. Больше никогда. — говорит она, мягко отстраняясь и я отпускаю ее.

Я смотрю на ее гордую фигуру, на высоко поднятое лицо, она смотрит мне в глаза и я понимаю, что ее решение — это не слабость. Ее решение — это проявление силы. Она не хочет умирать, она хочет убежать. Хочет не предать своего покойного мужа, оставшись верной ему до конца, даже если ради этого придется умереть.

Я отворачиваюсь и смотрю вдаль, туда, где сейчас моя истинная. Я не могу остаться здесь, чтобы оберегать Лилиану от самой себя, и не могу уйти, зная, что с ней произойдет завтра, теперь не могу...

— Я отправляюсь на поиски Анны, — говорю я спокойно, — я знаю, что она жива, и что еще есть шанс найти ее. Я жалею только о том, что не сделал этого раньше.

Во взгляде Лилианы что-то меняется, едва заметная тень интереса проявляется на ее лице.

— Я думала ты прилетел сюда, чтобы снова пытаться обольстить меня, — говорит она. — Выходит, я ошиблась?

— Я покидаю столицу и не вернусь, пока не найду ее. Если ты хочешь, я могу взять тебя с собой. Избавить тебя от той участи, которой ты страшишься.

4

Я осторожно карабкаюсь вниз, царапая руки об острые камни. Один неверный шаг и я сорвусь с высоты. Стараюсь двигаться медленно, не торопиться, хотя все внутри меня кричит, чтобы я не мешкала.

Там внизу, где лежат два бездвижных тела, я чувствую жизнь, благодаря своим магическим нитям, но чья это жизнь я не знаю. Она может принадлежать как иосу, так и утянувшему его за собой солдату.

— Пожалуйста, пожалуйста, — шепчу я, — пусть он будет жить.

Наконец, я добирраюсь до подножья. Ноги и руки дрожат от усталости, но я не обращаю внимания, перебираясь по камням к тому месту, где лежат люди.

— Иос, — зову я его и сажусь рядом.

Иос едва заметно дышит, сжимая в руке шлем своего врага. Тот лежит с разбитой головой и совершенно ясно, что он мертв.

Я разжимаю пальцы Иоса и отбрасываю шлем солдата в сторону. От слез, которые застилают мои глаза, я почти ничего не вижу. Иос сжимает мои пальцы и открывает глаза.

— Анна, прости меня, я не смог защитить тебя...

— Ты смог, Иос, — говорю я, — если бы не ты, меня не было бы в живых.

— Там было еще двое, — хрипит он и кашляет, — что с ними?

— Они больше не проблема, говорю я и расстегиваю ремешок на его шлеме, снимаю его и кладу голову Иоса себе на колени. Он смотрит вверх, на рассветное небо.

— Ни облачка, — вдруг говорит он, — сегодня будет хороший день. Но я не понимаю, как ты спаслась.

— То, что живет во мне, помогло мне, Иос, — говорю я, глядя его по волосам.

— Ты владеешь какой-то магией, — говорит он слабым голосом и морщится от боли.

— Похоже на то, и я думаю, что она как-то связана с драконами.

— Драконы...

— Я знаю, что ты не любишь драконов.

— Не очень люблю, — говорит Иос и болезненно вздыхает. — Знаешь, Анна, я не чувствую своих ног...

Я боюсь, что в любую следующую секунду он перестанет говорить, перестанет дышать. Боюсь, что сердце его замрет навсегда, поэтому держу его крепко и стараюсь отдать столько силы, сколько могу. Я бы отдала всю, но большая ее часть по прежнему залечивает мои собственные раны.

— Анна, послушай, — вдруг продолжает он, говорить сквозь силу, — я так и не успел сказать тебе...

— Да?

— Я бы хотел, чтобы ты...

Он умолкает и сердце мое замирает. Нет, только не сейчас, пожалуйста. Пусть он живет. Я закрываю глаза и вижу все, что повреждено в его теле, сломанные кости, раны и его сердце. Оно все еще бьется, но как-то неровно, отрывисто и медленно, словно умирающая птица в клетке.

Стараюсь, как могу укрепить его теми немногими нитями, что есть в моем распоряжении, и их едва хватает, чтобы заставить сердце Иоса биться хоть немного ровнее.

— Ты должен жить, Иос, — говорю я, роняя слезы на латы на его груди. — Ты очень нужен мне. Я не справлюсь без тебя.

— Ты сильная, ты справишься, — говорит он. — Ты гораздо сильнее, чем я.

Я смотрю в его глаза, чистые глаза цвета неба, и качаю головой.

— Я всего лишь девчонка которая стукнулась головой и потеряла память.

— Нет, — едва заметно улыбается он, — ты не просто девчонка. И эти люди... Они не просто так тебя ищут.

— Скажи, что мне делать дальше?

— Идти в город, в большой город, затеряться там. У меня есть друзья, которые могут помочь тебе укрыться. Ты найдешь все в моих заметках. У меня есть брат. Мы давно не виделись с ним, но он поможет, если попросить. Деньги ты найдешь в моих вещах, в упряжке. Все, что было моим, теперь твое.

— А ты куда собрался? Нет! — упрямо качаю я головой, — я не собираюсь ничего делать без тебя.

— Послушай, Анна, — перебивает он меня, — я не выживу. Я даже не знаю, почему я жив до сих пор. Смерть уже стучится в мои ворота. Я только хотел сказать тебе.

— Нет, я не хочу ничего слышать. Ты не умрешь! Я не разрешаю тебе умирать!

Он снова улыбается.

— Теперь ты командуешь?

— Да! Я командую, и я приказываю тебе жить и быть со мной рядом. Ты понял меня?

— Из тебя получилась бы хорошая правительница... Я бы очень хотел выполнить твой приказ. Очень хотел бы всегда быть с тобой рядом.

— Вот и будь! — говорю я, — все, что тебе нужно — это дышать, не сдаваться, быть со мной.

Я чувствую, что рана на моей шее перестает болеть и трогаю место пореза. Он практически затянулся, и на его месте остался лишь небольшой болезненный шрам.

Я с радостью обнаруживаю, что множество нитей высвобождается и теперь я могу использовать их для лечения Иоса.

Я сразу же направляю их в его сердце, заставляя его биться ровнее, и оно подчиняется мне. С огромным трудом, но подчиняется, но на это уходят все доступные мне силы.

— Только попробуй умри. — говорю я шепотом.

Я высвобождаю часть самых мощных нитей и направляю их на позвоночник Иоса, пытаюсь залечить самую большую трещину, которая причиняет ему больше всего боли.

Мне кажется, что я бесконечно долго заставляю нити обволакивать эту область, настраиваю их музыку, создаю гармонию звуков нитей настолько яркую и громкую, что сама едва не теряю сознание от ее интенсивности. Весь мир для меня в эту минуту перестает существовать. Есть только я и эта маленькая упрямая трещинка...

5

И наконец, спустя, кажется, целую вечность, эта рана поддается мне. Кость срастается и в это мгновение вся нижняя часть тела Иоса словно бы оживает.

Иос разлепляет сухие губы и говорит едва слышно:

— Я чувствую тепло в ногах, что ты сделала?

— Ничего не говори.

Я вытираю пот со лба и тяжело дышу, продолжая из последних сил контролировать сердцебиение Иоса, которое снова становится нестабильным, ненадежным, словно оно собирается остановиться в любое мгновение.

— Он мертв? — вдруг слышу я хриплый голос и взрагиваю.

Оборачиваюсь и вижу Чивса. Он осторожно карабкается по камням, подбираясь к нам.

— Нет, — говорю я.

— На тебе лица нет, Анна, — с тревогой говорит он. — Ты вся в крови. Он подходит ко мне и смотрит на мою шею.

— Все в порядке, это ерунда, со мной все будет хорошо. Я должна быть с ним.

— Ты вся белая, как полотно. — говорит он с тревогой, — тебе нужно отдохнуть.

— Я не могу отдыхать. — упрямо говорю я, — если я отпущу его — он погиб.

Он снимает с плеча сумку и протягивает мне фляжку.

— Здесь отвар столистника с медом, он может немного взбодрить и дать сил, мы используем его во время долгих переходов. Выпей.

Я вытаскиваю пробку и в нос мне бьет едкий травянистый запах.

Отпиваю несколько глотков густого отвара и чувствую нестерпимую горечь, которую даже не отбивает сладость меда, однако в следующую минуту по телу разливается непривычное тепло и бодрость.

Я даю попить Иосу, осторожно приподнимая его голову.

— Спасибо, — говорю я Чивсу, и возвращаю ему фляжку.

— Пусть побудет у тебя, — говорит он.

— Что с незваными гостями? — спрашиваю я, поднимая на Чивса взгляд.

— Они уехали. Погрузили раненного сержанта в повозку и удрали, когда поняли, что их солдаты не вернуться... Он орал, как резаный. Я думаю, что они скоро пришлют сюда еще людей. Нужно уходить, пока есть возможность. Здесь нельзя оставаться.

— У нас есть заложник, — говорю я и поднимаю взгляд на вершину башни, скрытой в скале. — Клинк стережет мерзавца. Собери оружие и доспехи с мертвых, и спусти этого подонка вниз. Он поможет нам донести Иоса до повозки.

Чивс кивает на все мои распоряжения, словно я военначальник, а он исполнительный офицер.

— Ну точно, отличная правительница... — говорит Иос тихонько.

— И приказываю тебе помолчать, — говорю я, глядя его по волосам. — тебе сейчас нужна каждая капля сил.

— Будет исполнено, — говорит он и закрывает глаза.

Спустя несколько минут Чивс сваливает рядом со мной груды доспехов и оружия.

— Дорогие штучки, такие на черном рынке стоят проклятую кучу денег. Зачарованные драконом доспехи, — говорит Чивс. Один такой шлем стоит, как целая лошадь.

— Нам бы сейчас гораздо большегодились носилки.

— Я все организую, — говорит он и уходит.

Возвращается он вместе с солдатом, которого я оставляла на башне. Он раздет до нижнего белья и руки его связаны за спиной. В глазах пленника я вижу застывшие слезы, как будто он пережил огромное потрясение, от которого до сих пор не отошел. Молодой, на вид не больше двадцати лет. Невозможно представить, что этот заплаканный юнец всего каких-то полчаса назад едва не убил меня.

Клинк идет за ними следом, яростно шипя и извергая язычки пламени. Он подходит к лежащему Иосу, издает странный крик, в котором я слышу вопрос. Как будто ящерка понимает, что происходит. А почему бы и нет?

Клинк забирается мне на плечо и осторожно цепляется коготками за ткань моей куртки. Удивительно, но с его приходом, в меня словно бы вливается поток силы, обогащая и умножая мои собственные нити.

Чивс толкает пленного в спину и парень падает на колени.

— Что делать с этим? — спрашивает тн.

— Развяжи ему руки, — говорю я.

— Что?! — спрашивает Чивс, очевидно не веря своим ушам.

Парень удивленно поднимает на меня глаза.

— Кому ты служишь, спрашиваю я солдата, не обращая внимания на Чивса.

— Дракону... Князю Салемсу, — говорит солдат.

— Ты знаешь, кто я? — спрашиваю я его, глядя ему в глаза.

— Нет, — качает он головой.

— Почему ты хотел убить меня?

— Это был приказ. Я выполнял приказ своего сержанта.

— Тебе нравится такая служба?

— Служба есть служба... Я больше ничего не умею... Моя работа — это смерть. Одна смерть ничем не хуже другой смерти... Простите, если это обидно звучит.

— А как насчет твоей смерти, подонок? — не выдерживает Чивс и хватается солдата за волосы, приставляя ему нож к горлу.

— Чивс! Успокойся! — повышаю я голос. — Убери, пожалуйста, нож.

С удивлением для себя, я слышу в своем голосе стальные нотки, которых никогда бы от себя не ожидала прежде.

— Я не хочу умирать, — просто говорит солдат. Если это возможно, не убивайте меня, пожалуйста.

— Чивс! — еще раз говорю я. И только тогда он убирает нож и отпускает солдата.

— Падаль, — плюет он и отходит на шаг.

— А почему ты служишь именно этому дракону?

— Я прикреплен к его земле. Он заплатил за мое обучение, дал мне жалованье, — пожимает он плечами. Я не знал ничего другого.

— У тебя есть выбор, — говорю я после минутного молчания.

— Ты можешь умереть, как все остальные, или перейти на службу ко мне.

— нельзя ему доверять! — снова взрывается Чивс.

Я направляю нити в сердце Чивса и успокаиваю его, пока не стало слишком поздно.

— Успокойся, — говорю я.

Он тут же успокаивается и закрывает глаза.

— Хорошо, — говорит он. — прости...

Мягкая умиротворяющая нота звучит наравне с остальными нитями, которыми я лечу Иосу, безостановочно поддерживая его сердцебиение и заживляя внутренние повреждения органов. Когда на моем плече сидит Клинк — это гораздо проще, чем раньше.

— Как тебя зовут? — спрашиваю я солдата.

— Мелвилл, — говорит он, — я буду служить вам, если хотите. Если обману, пусть вот этот меня прирежет, — кивает он на Чивса. Или ваша ящерица, пусть сожжет меня. Я не хотел вас убивать, если на то пошло. Не считаю, что убивать беззащитных женщин — это хорошая работа для солдата.

— Я знаю, — говорю я. — И я тебе верю.

Я чувствую, что парень говорит искренне. Если бы он не помедлил, тогда, на башне, если бы действительно торопился убить меня — сейчас я была бы уже мертва. Но его рука тогда дрогнула, именно это позволило моим нитям успеть защититься, пока не стало слишком поздно.

— Чивс, освободи его.

Чивс подходит к Мелвиллу, и резким движением заносит нож.

Дорогие читатели! Приглашаю вас познакомиться с моей новинкой: "Измена Серебряного Дракона"

Вот маленький отрывок:

— Я больше не могу ждать, — слышу я капризный голосок. — Ты же обещал мне избавиться от этой ущербной и сделать меня женой.

— Еще одно, последнее перерождение, сладкая моя, и я стану золотым драконом, — слышу я знакомый низкий голос и зажимаю рот рукой, чтобы не закричать. — Джейн слабая и не сможет переродиться, метка погаснет, и я от нее избавлюсь.

— Да! Продолжай! Я рожу тебе золотых наследников, мой золотой дракон, только не останавливайся, — кричит она в экстазе. Слышится звук поцелуев и сладострастные вздохи, прерываемые ритмичными толчками.

Кусаю кожу на ладони, чтобы не закричать и только тихо вою. Мой серебряный дракон, мой любимый, мой свет, и отец моих чудесных малышей, мой истинный предадел меня...

— Не хочу, чтобы твои другие дети путались под ногами.

— Я от них избавлюсь.

Далше читайте по ссылке: <https://litnet.com/ru/reader/izmena-serebryanogo-drakona-b460152>

6

Каэн

— Я могу избавить тебя от той участи, которой ты страшишься.

— И ничего не попросишь взамен? — спрашивает она осторожно.

Я чувствую, что Лилиана всем сердцем все это время надеялась найти какой-то выход для себя, выход, который сможет решить все. И похоже, что мои слова пришлись кстати. Она колеблется, и во взгляде ее появляется что-то... Нет, не надежда, но отблеск надежды. Такой взгляд бывает у тех, кто был на грани смерти, но в последний момент передумал и нашел способ выжить.

Если она согласится, это будет лучше для всех. Я найду для нее безопасное место, я спрячу ее от всех, а дальше решу, что делать с Салемсом, и со всем миром, который отныне будет против нас. Против меня, против моей Анны и против Лилианы.

Я не могу бросить ее, не могу оставить на растерзание стервятникам.

— Что бы ты ни думала обо мне, Лилиана, каким бы подлецом не считала, я желаю тебе добра. И не сделаю ничего, против твоей воли, я обещаю тебе.

Она делает неуверенный шаг вперед и тут я слышу топот ног за своей спиной. Что такое? Тайдел решил явиться с целой армией? Уж не испугался ли он меня.

Поворачиваюсь и вижу отряд вооруженных до зубов имперских гвардейцев в черных с золотом плащах. Они быстро окружают нас и держат клинки обнаженными, словно кому-то здесь угрожает опасность.

— Отойдите от наместницы, князь, говорит капитан в высоком шлеме, — иначе нам придется применить силу.

— Вы можете не волноваться, — говорю я, оглядывая отряд, — я помог наместнице, она невредима. Оружие можно спрятать.

Но они меня не слушают и клинков не убирают.

— Князь Каэн говорит верно, — обращается к ним Лилиана спокойно, но по ее глазам я вижу, что она встревожена.

— Вы не слышали ее, капитан? — спрашиваю я нагнетая огненную силу внутри себя. Уж не хотят ли они сразиться со мной, драконом, который может испепелить этот отряд за одно мгновение.

— Наместницу приказано отвести в ее покои, для ее же безопасности, — говорит капитан и я вижу, что кончик его меча трясется. Ему страшно, он растерян, и сам, похоже, не понимает, что происходит.

— Приказано? — спрашиваю я и недобро улыбаюсь. Капитан должен понимать, что значит моя улыбка. Еще секунда и я по настоящему выйду из себя. Тут никто не может приказывать мне. Разве что, кроме Лилианы, которая стоит плечом к плечу со мной. — Кто ты такой, чтобы приказывать, человек?

Я вытягиваю руку и дотргиваюсь до его меча, мгновенно раскаляя сталь добела. Он вскрикивает и отпускает оружие. Солдаты, окружающие нас начинают волноваться и я вижу какое-то движение позади.

— Не бойся, — говорю я, обращаясь к Лилиане, — сейчас я все улажу...

— Приказываю здесь я, — слышу я знакомый голос из за спин солдат. Они расступаются и в круг входит Зенедир Салемс. Он одет в красный парадный камзол с имперской символикой и лицо его буквально светится от радости.

— Какого пекла ты тут делаешь, подонок? — спрашиваю я, разжигая в себе всю доступную мне силу.

— На колени, предатель! — говорит Салемс громким голосом, — на колени, если хочешь, чтобы тебя пощадили. На колени и целуй руку.

Он протягивает вперед свою морщинистую руку с большим красным перстнем. Точно такой носил покойный император, перед тем, как отправиться в последний полет.

— Я ни перед кем не склоняю колен, — говорю я.

Лицо Салемса расплывается в ехидной улыбке.

— Князь, где вы взяли это кольцо? Ведь оно хранилось у брата... — спрашивает Лилиана дрожащим голосом.

— Я настойчиво попросил и убедил его, что ждать выборов нет смысла. Особенно, когда посюду шныряют изменники, готовые вонзить нож в спину империи. Тем более, что результаты уже известны и тайное голосование было проведено этой ночью. Явились все, кроме тебя Сандерс. Прости, что не выслал приглашение. Как-то вылетело из головы.

— Что ты сделал с Тайделом? — вскрикивает Лилиана и пытается кинуться на Салемса, но я держу ее, — он бы никогда не согласился...

— Какая ты горячая, — говорит он, — мне нравится твой холодный огонь, жду не дождусь, чтобы он встретился с моим...

Я делаю шаг вперед, заслоняя Лилиану от Салемса.

— Я вырву твой поганый язык и заставлю ползать по земле и извиняться, — рычу я, готовясь обернуться драконом прямо здесь, в толпе солдат.

— Следи за языком, когда говоришь с императором! Как бы извиняться не пришлось тебе, мой юный сладострастный друг...

Салемс делает шаг навстречу мне, словно совсем не боится меня, хотя сам давно утратил способность обращаться.

— Я все знаю про твои развлечения, Каэн Сандерс, и знаю про твоих тайных жен. Не знаю я только одного. Как твоей Анне удалось забеременеть после всего? Впрочем, это уже не важно...

— Не произноси ее имени, подонок, — рычу я и начинаю оборачиваться в дракона.

Но что-то словно бы мешает мне. Какая-то темная пелена появляется на самом краю зрения и сила словно бы останавливается, не имея возможности развернуться.

Сердце начинает стучать неровно и я чувствую, как горло сдавливает что-то невероятно тяжелое, не давая мне вдохнуть. Я падаю на колени и пытаюсь разжечь силу, чтобы разбить тот заслон, что вдруг возник между мной и источником. Но от этого все вокруг только начинает плыть. Солдаты, стоящие кругом, Лилиана, Салемс...

Салемс делает еще шаг навстречу мне и задирает мою голову резким рывком, хватаясь за волосы. Приближает свое лицо к моему и обдает меня смрадным запахом из своего рта.

— А говорил, что не встанешь на колени... Все встают, если правильно надавить.

Он смотрит на Лилиану, облизывается и снова переводит взгляд на меня.

— Неприятно, когда не можешь обратиться в дракона, верно? Мне знакомо это чувство... Старость. Рад, что ты поделил мою боль со мной.

Он приближается к самому моему уху и шепчет.

— Как тебе последний поцелуй Софии, Каэн Сандерс? Было сладко?

7

Веревки мягко падают на серые камни, и я гляжу в глаза солдату по имени Мелвилл, ожидая, что он будет делать.

— Я вас не подведу, — говорит Мелвилл. — Вот увидите.

— Пойдем, — говорит Чивс после недолгого молчания, и толкает парня в спину. — Сделаем носилки.

Парень с благодарностью смотрит на меня и торопится вслед за быстро спускающимся по склону Чивсом.

Я отправляю столько свободных нитей, сколько возможно, чтобы успокоить яростно бьющееся сердце Чивса. Я знаю, что мгновение, лишь один удар сердца отделял его от того, чтобы ударить солдата ножом, покончив с ним.

Я устало прикрываю глаза, продолжая создавать сложнейшую музыку из нитей, что лечат Иоса.

Теперь дыхание его намного сильнее, а сердце бьется уже не так неровно. Похоже, самый страшный момент миновал и все, что нужно теперь — это доставить его в безопасное место.

— Все будет хорошо, — говорю я и глажу его по щеке.

Он нервно вздрагивает во сне, но не просыпается. Я вижу его сердце, как пылающий шар, окруженный тысячами нитей, которые исходят из меня. Я почти чувствую его переживания в данный момент, словно на какую-то бесконечно малую долю заглядываю в то, как воспринимает этот мир он.

И с удивлением обнаруживаю в его сердце сильнейшее чувство по отношению ко мне. Чувство настолько сильное, что оно даже ярче чувства к его покойной жене, которое тоже горит ярко и светло, но с изрядной долей скорби. Дальше идти я не решаюсь, потому что дальше лежат чувства к его покойным детям, о которых он, в отличие от своей жены, никогда не рассказывал мне и я понимала, что раны, даже спустя столько лет, не зажили на его сердце.

Я на мгновение задумываюсь, а не избавить ли его и от этих шрамов, от этой боли, которой страшно даже касаться. Но не решаюсь. Это будет нечестно по отношению к нему. Он должен сам хотеть этого, потому что вместе с болью может уйти и часть воспоминаний.

— Сколько же ты всего пережил, — говорю я тихим шепотом, не отпуская его из своих рук. — Ты не рассказал мне и малой части. Так же как и о своей любви...

Я долго сижу с закрытыми глазами, слыша только дыхание иоса и чувствуя мягкую хватку Клинка на своем плече. Теперь я могу управлять той магией, что была мне дарована, гораздо лучше. Я начинаю разбираться в том, какие нити лучше подходят для одного, а какие для другого дела. По своей сути все нити универсальны и могут служить любой задаче, но каждая из них имеет свое направление, в котором ее работа эффективнее, а звук гораздо чище, поэтому гармонии получаются совершенно другого качества. Мне кажется, что я постигла только крошечную долю возможностей этой силы, но даже этого хватает для того, чтобы спасти человеку жизнь, человеку, который должен был умереть.

Чем бы ни была эта сила, я испытываю благодарность к тому, кто наделил меня ею, хоть и не знаю, что это такое.

— Нужно переложить его, — Чивс касается моего плеча.

Его хриплый голос выводит меня из сосредоточенного оцепенения, в котором для меня существуют только звуки и гармония нитей, поддерживающая жизнь Иоса.

Они осторожно укладывают его на носилки и бережно несут вниз, стараясь не споткнуться на острых камнях.

Я держу Иоса за руку всю дорогу до повозки и когда его осторожно кладут под крытую часть, я сажусь рядом с ним, не решаясь оставить его ни на минуту.

— Соберите доспехи, — говорю я, — мы сможем продать их в городе. И пожалуйста, поторопитесь.

Через пять минут они сваливают все оружие и сверкающие латы, укрепленные драконьей магией в повозку, поверх ящиков.

— Мы собрали все, кроме поврежденных и тех, что на трупах в яме. Нет времени их вытаскивать, — говорит Чивс и треплет жоака своей упряжки по спине.

— Тогда поехали, — говорю я. — Нужно ехать как можно быстрее. Надеюсь, твои собаки справятся.

— Это лучшая упряжка на тысячу миль вокруг, — с гордостью говорит Чивс и садится во главе повозки, с недоверием поглядывая на Мелвилла, вынужденного сесть с ним рядом.

Тот раздобыл где-то рубашку и штаны, должно быть из вещей Иоса, и выглядел теперь совсем как простой деревенский житель. Совсем и не скажешь, что еще каких-то полчаса назад он едва не перерезал мне горло, будучи одетым в имперские княжеские доспехи.

Когда мы проезжаем по тому месту, куда провалились двое из солдат, когда Чивс дернул рычаг, я вижу на земле лишь следы крови, больше ничего не напоминает о том, что здесь была битва.

Клинк быстро, словно молния, перебегает от камня к камню, оглядывая то, что впереди. Настоящий разведчик. Я улыбаюсь, глядя на то, как он резво закапывается в песок и выпрыгивает из песка через несколько метров, выпуская струю пламени.

— Как вам удалось приручить огненную ящерицу? — с интересом спрашивает Мелвилл. — Говорят, что это почти невозможно.

— А как ей удалось приручить такого тупого барана, как ты? — злобно спрашивает Чивс и сплевывает в песок.

Мы едем дальше и под колесами повозки хрустят металлические болты, которые сотнями выпускал Иос из большого орбалета на скрытой башне.

Вот здесь он ранил сержанта. А здесь стояли повозки...

— Сколько вас прибыло сюда? Не считая тех, кто были здесь, — спрашивает Чивс.

— На запад отправился отряд из пятидесяти. Мы разделились, чтобы расширить радиус поиска девушки, — отвечает солдат. — Деревни обходят тройками. В городе еще осталось около двух дюжин солдат, они обыскивают дома, квартал за кварталом.

— И давно вы здесь? — снова задает вопрос Чивс.

— Мы отправились сразу же, как улетел император Шрайк... Когда это было... Два месяца назад.

— Куда улетел этот хренов крылатый упырь? — спрашивает Чивс.

Парень хмурится и хватается за поперечную балку, чтобы не упасть с повозки из-за сильной тряски, которая нарастает по мере увеличения скорости. Колеса под нами стучат, натываясь о камни и каждый удар болезненно отзывается в теле Иоса.

— Я не знаю. Эти драконьи дела, в них я не лезу. Знаю только, что старый император улетел, кажется, у них так принято умирать. Мне, если откровенно, все равно, что происходит наверху. Мое дело трудиться, чтобы была крыша над головой и кусок хлеба. Знание того, чья задница занимает великий трон и чей палец носит кольцо, мою похлебку слаще не сделает.

— Почему вы хотели убить меня? — спрашиваю я, слегка подаваясь вперед и направляя нити в сторону Мелвилла.

— Нам только сказали, что вы преступница, и очень опасна, и что вас надо устранить...

Чивс зло смотрит на солдата и крепко сжимает поводья. Я знаю, что он чувствует, отчасти я чувствую то же самое. Чивс не доверяет солдату. Не доверяю ему и я, потому что вижу отчетливо по его сердцу, что он врет.

8

Каэн

Дикая боль начинает сдавливать мою голову, словно стальная хватка неопикуемой силы.

— Что за... — выдыхаю я, пытаюсь оттолкнуть от себя Салемса, — что ты сделал?

— То что нужно было давным давно, мой молодой дракон, — тихо рычит он мне в лицо.

В глазах моих все двоится и постепенно все поле зрение заволакивает густой черным туман, или дым. Я слышу крик Лилианы, полный ужаса и гнева, но не могу даже увидеть ее.

Сделав чудовищное усилие, я встаю на ноги и пытаюсь ухватить силуэт Салемса, но он с хохотом отходит в сторону.

А в следующее мгновение что-то с разрушительной силой ударяет меня в спину, снова заставляя упасть. Чудовищный кашель раздражает мои легкие. Я вдыхаю воздух, но от каждого вдоха я чувствую, словно внутрь меня попадает тысяча игл, раздражающих мою плоть.

Что это? Что он говорил про Софию?

Чувствую, как кто-то хватает меня за волосы и резко дергает назад. Я вцепляюсь в руку, что держит меня. Мне ховатило бы малой доли моей силы, чтобы переломать ее и раздавить ее хозяина, словно насекомое, но все, чем я обладаю теперь — это слабая сила смертного.

— Никогда нельзя недооценивать обиженную женщину, Каэн Сандерс, — слышу я снова голос Салемса. — Теперь ты заплатишь сполна за свою глупость.

— Тебе не сойдет это с рук... — говорю я сдавленно, пытаюсь встать на ноги.

— Не дергайся, дракон — это бессмысленно. Через считанные минуты ты будешь парализован. А через час ты умрешь, если я того пожелаю.

— Я наследник верховного рода, ты не посмеешь...

— Тебя больше нет, и нет твоего рода, Сандерс. Твоя жена мертва и только ты виноват в этом. Ты не оставил наследников. Да и сам ты теперь покойник. Но не бойся, я позабочусь о том, чтобы ты прочувствовал всю боль, которую ты заслуживаешь.

— Ты пожалеешь об этом.

— Глупый Каэн, ты говоришь слова, но их не слышно. Знаешь почему? Потому что мертвых никто не слышит. Хотя они, конечно же, трещат без умолку.

— Ты заплатишь...

— Знаешь что я буду делать сегодня вечером? Развлекаться с вдовушкой. Она только на вид такая неприступная, уверен, она знает, как доставить удовольствие дракону. Иначе старый дурак не держал бы ее при себе. Предвкушаю, как она будет кричать и извиваться.

Голос Салемса дрожит от возбуждения, и все, чего мне сейчас хочется, это разорвать его на части, растоптать, уничтожить...

— Ты не посмеешь ее тронуть, — рычу я, чувствуя, что на это уходят последние мои силы.

— А ты что же, поберег нашу льдинку для себя, Каэн? — спрашивает он и задирает мою голову еще сильнее, так, что я чувствую хруст шейных позвонков. — Так надо было действовать раньше, а не торчать в своем замке, утопая в сомнениях. Ты не представляешь, каэн, какой подарок ты мне преподнес своей доверчивостью и своей нерешительностью. Подумать только, я то боялся, что мне придется пожертвовать армией моего княжества, чтобы разбить тебя. А ты даже ничего не сделал. Глупец.

Он едва слышно смеется и отпускает мои волосы.

Я падаю в песок и чувствую, что сознание покидает меня.

Я слышу его шаркающие удаляющиеся шаги. Он отходит и отдает распоряжения своим людям.

— Мальчики, оттащите эту падаль в подземную камеру. Килли, проследи за тем, чтобы он не сдох.

— Каэн! — слышу я крик Лилианы. Пытаюсь встать, но не могу. Тело окончательно перестает меня слушаться.

Я чувствую, как меня волокут по земле. Чувствую, как кожа на лице до мяса стирается о камни, по которым меня волокут. Слышу смех молодых драконов, союзников Салемса. Рики Видл смеется громче всех, переговариваясь с приятелями. Его смех я знаю... И не забуду...

Они тащат меня дальше и я чувствую, как голова моя бьется о ступени. Отмечаю, что глаза мои заливают кровь, слышу, как ломаются мои человеческие кости. Раны, которые благодаря силе дракона зажили бы за секунду, теперь остаются, сопровождаемые невыносимой болью.

— Я бы тоже трахнул эту девчонку, — слышится наглый голос Рики Видла. — Даже через платье видно, что фигурка у нее сочная. А губы, эти губы. Представляю себе, что они могут вытворять, если захотят.

Бурный смех, эхом раскатывающийся по гулкому коридору оглушает меня.

— Отцу бы не понравилось, если бы он это услышал, — ломающийся голос младшего Салемса, сына князя, слабого и бездарного, почти лишенного магии дракона с циплячьей шеей и вытянутой физиономией.

— А твоей матери бы понравилось, что папаша твой собрался трахать другую девку?

— Она делает вид, что не замечает его развлечений. Говорит, что он имеет на них право. Главное, чтобы она не знала.

— Женщинам нравится, когда их унижают, поверь мне, дружок.

— Заткнись, Рики, — слышу я угрюмый голос третьего. — Я считаю, что наместница не заслужила этого.

— Рыцарь! — с хохотом кривляется Рики Уидл. — Смотри, Килли, у нас тут рыцарь, который хочет спасти прекрасную даму из беды. Ну так иди и скажи это ему. Если хочешь оказаться на месте Каэна Сандерса. Похоже, они оба положили на нее глаз, потому старик так и взъелся на него...

Рики Уидл пинает меня ногой в ребра, отчего я закашливаюсь.

— Мы драконы, а не звери, хватит пинать его. Он ничего тебе не сделал, — не выдерживает Крамер.

— А то что? — угрожающе спрашивает Уидл.

— Хочешь проверить?

Повисает напряженная пауза и я слышу только злобное дыхание двух юнцов.

— Ладно, Крэймер, к черту тебя, — наконец, миролюбиво говорит Рики Уидл и судя по звуку, хлопает Крэймера по плечу. — Мы, как никак, союзники, верно?

— Верно, — говорит тот.

Скрипит железная дверь и меня куда-то заносят. А спустя мгновение я слышу, как мои ноги и руки приковывают к чему-то.

— Чем он его накачал? — спрашивает Рики Уидл.

— Вытяжка из подземного пустынного кактуса, редчайшая вещь, единственная вещь, которая может отнять силу дракона на время, — слышу я писклявый голосок бастарда Салемса. — безвреден для человека и почти смертелен для дракона.

— Жестоко, — присвистывает Рики Уидл. — И глупо было так попасться. Он слышит нас?

Кто-то подходит совсем близко ко мне и открывает мои веки.

— Кажется, он без сознания.

— И чего твой папаша собрался с ним делать? Не проще ли было прикончить там же и дело с концом?

— Мне нельзя говорить об этом. Если я скажу, отец меня прикончит.

— Значит ты знаешь? — с восторгом спрашивает Уидл. — Расскажи. Нам можно, мы твои друзья.

Я слышу звук захлопывающейся двери и голоса юнцов удаляются, так, что я больше не могу их слышать.

Мне нельзя оставаться здесь. Я должен вырваться... Я должен спасти ее...

9

Анна

Весь оставшийся день и всю ночь мы без остановки движемся на север, к первому большому городу на окраине империи, первому большому городу, который посмел отвоевать свое место для жизни у бескрайней и почти безжизненной пустыни. Тайлен тонкой полоской вьется, словно змея, следуя за руслом реки, без которой давно бы погиб, без которого его бы и не было. И я уже вижу маленькие огоньки человеческих сердец, до которых едва достают мои самые длинные нити. И сердец этих многие тысячи, они словно бесконечный рой светлячков перед моим внутренним взором. Дыхание перехватывает от того сколько там людей.

— Почти прибыли, — говорит уставший Чивс и пинает заснувшего Мелвилла ногой. Тот просыпается и оглядывается по сторонам.

— Что? — спрашивает он.

— ПРИехали, говорю.

— Останови повозку, — мягко говорит Мелвилл и поворачивается ко мне, — я думаю, что мне следует надеть доспехи, если у въезда дежурят имперцы, я смогу провести вас без обыска.

— А кто гарантирует, что ты не сдашь нас первому же своему другу, прислужнику дракона?

— Никто, — отвечает Мелвилл, пожимая плечами. — Но если мы въедем в город, лучше, чтобы нас не обыскивали. Если они найдут леди, я думаю ничего хорошего не будет.

— Ты думаешь... — фыркает Чивс, но смотрит на меня вопросительно.

Похоже, решать нужно мне.

Я смотрю на Иоса и понимаю, что другого выбора нет. Нам придется довериться солдату, хоть это и безумно опасно. Собаки устали, запаса воды у нас надолго не хватит, а до ближайшей деревни день пути, и там наверняка нас сразу же сдадут. В городе будет спрятаться в любом случае проще. Именно на это был расчет Иоса изначально. Значит нужно следовать его плану.

Хотя, когда он это планировал, с нами не было человека, которому неизвестно, можно ли доверять. Я знаю, что Мелвилл врет, но это все, что я знаю. Собирается ли он предать меня, мне неизвестно.

А теперь, похоже, все наши жизни зависят от него.

Несмотря на то, что я укутала Иоса всеми одеялами, какие нашла, он все равно дрожит, то приходя в сознание, то проваливаясь обратно в подобие сна.

— Держись, — говорю я, — скоро мы уже приедем.

— В Тайлене мой брат, Дирек, нужно идти к нему, он поможет... Он держит рыбную лавку в переулке торговцев, там каждый его знает. Он большой человек в городе.

Выплывая из тревожного сна Иос повторяет раз за разом одно и то же, а после как будто забывает об этом.

— Да, Иос, — говорю я ему, пытаюсь успокоить, — мы найдем его.

— Он хороший человек, Анна, хоть мы и не ладим... У него доброе сердце.

— Мелвилл прав, — говорю я, — пусть он облачится. Без него мы едва ли сможем войти в город.

Чивс останавливает своих собак. Они тут же в изнеможении падают на холодный песок, изо ртов у них идет пар. Чивс подходит к каждой и дает им воду и еду, пока Мелвилл надевает драконьи доспехи.

Я смотрю на него со смесью надежды и тревоги. Сейчас сомнение может просто уничтожить меня. Все, что я могу сделать — это довериться. Но я знаю, что доверие чаще всего ведет к гибели.

— Дай слово, Мелвилл, — говорю я, глядя ему в глаза.

Я знаю, что слово этого человека будет ненадежно, но мне почему-то кажется, что так я хотя бы немного успокоюсь.

— Я уже дал слово, что буду служить вам, — говорит он и надевает на голову шлем. — Но если хотите, дам еще раз.

— Почему? — спрашиваю я. — Почему мы должны верить тебе?

— Потому что у вас нет выбора, — говорит он и залезает обратно на повозку. — И еще потому, что вы не убили меня, хотя у вас были все причины на это. Моя мать была бы вам благодарна, леди.

— А как же награда?

— Моя награда — это моя жизнь. Лучше вам спрятаться за ящики и укутаться, чтобы вас не было видно.

Лежа в полной темноте и слушая грохот повозки, я стараюсь сосредоточиться только на Иосе и на его сердцебиении и не думать о том, что может ждать впереди.

Наконец, спустя долгие, бесконечные минуты, повозка останавливается и я слышу голоса незнакомых людей.

Распространяю свои нити и нахожу три сердца, помимо Мелвилла и еще двоих дальше, в здании. Они расслаблены и явно не ждут никакой опасности. Похоже, они с Мелвиллом и правда знакомы.

— Мелвилл, а ты тут каким боком? — удивленный возглас.

Я слышу, как Мелвилл спрыгивает с повозки и отходит на несколько шагов.

— Отбилась от своих, деревенские слишком много пьют.

— Сержант тебя убьет, когда вернется, дружище. Это, можно сказать, дезертирство.

— Ну что, значит такова моя судьба. Убивать не станет, но поиздевается — это точно.

— Не завидую я тебе.

— Хорошо, что я нашел этого хмыря с упряжкой, иначе так и остался бы там один.

— А что, нашел бы себе деревенскую девку из пустынных, завел бы детишек, — слышится хохот.

— Местные девки мне не по вкусу, слишком уж сухие, как хворост.

— За то какие жаркие, ух, — снова хохот.

— Все, что мне сейчас нужно — это теплая ванна и сон, — говорит Мелвилл, — про девок я даже думать не хочу.

— Ладно, проезжайте.

Я чувствую, как сердце мое начинает бешено колотиться — неужели получилось?

— Ну тогда до завтра.

— Давай...

— Вперед, спокойно и без нервов, — тихо говорит Мелвилл обращаясь к Чивсу.

Я выдыхаю, понимая, что и правда все получилось.

— Погоди, приятель, а чего везете-то? Собачки еле тянут, как будто нагрузили до отказа.

10

— Может быть что-то интересное у вас там в повозке?

Чивс еле слышно проклиная шепотом все на свете и я чувствую, как сердце его начинает яростно колотиться. Он сжимается всем телом, ожидая вступить в бой, если потребуется.

— Сивушное пойло для местных низов, — говорит Мелвилл, — дрянь редкостная, они гонят ее из пустынных кактусов.

— Может дашь нам бутылочку другую? Мы бы были тебе благодарны, так ведь, ребята?

Слышатся утвердительные голоса. Я чувствую, что сразу несколько человек подходит к повозке сзади.

— Вам такое точно не понравится, — говорит Мелвилл развязным тоном, — уж лучше я пришлю вам чего-нибудь получше...

— Если сержант узнает, что ты делаешь дела с местными, ему это может не понравится, — голос солдата звучит добродушно, но в нем различается предельно понятная угроза.

— Я поделюсь, — говорит Мелвилл, — хотел поделиться с Сержантом, но если он не узнает, почему бы мне не поделиться с вами?

— Да, ведь мы твои друзья, Мел.

— Точно, друзья.

— Дай хоть глянуть, — караульный подходит ближе и хватается за плотную ткань, прикрывающую содержимое повозки. Сейчас он откроет ее и увидит Иоса, потом увидит меня...

— Смотри, Чак! Ты тоже это видишь?! — кричит кто-то.

— Чего еще?..

Чак оборачивается и застывает на месте.

— Чтоб я сдох... Это же огненная ящерица.

Я вижу своими нитями, как Клинк выпрыгивает из песка и пускает в воздух мощную струю пламени, после чего перебегает по пестку, стремительно, как молния и зарывается в него, чтобы вынырнуть чуть дальше.

— Ну-ка принесите мне арбалет, — говорит чак едва сдерживая дрожь в голосе. — Такая удача бывает только раз в жизни.

— Никогда не видел ящериц так близко к городу, а уж огненных и вовсе ни разу не видал. Кому расскажу, не поверят.

Все солдаты начинают бегать, кричать и стрелять из арбалетов в песок.

— Поехали, — говорит Мелвилл Чивсу, и тому не нужно повторять дважды.

На нас никто уже не обращает внимания. Все полностью поглощены жадой наживы, которая, похоже, совершенно их ослепила. Даже если бы сейчас к городу подошло вражеское войско, эти остолопы его бы не заметили.

— У этих созданий точно есть разум, — с восторгом говорит Чивс, когда видит, что Клинк бесшумной тенью пробирается внутрь повозки и садится мне на плечо.

— Кого же они там ловят? — спрашивает Мелвилл улыбаясь.

— Ветер и песок, — отвечаю я, поглаживая ящерку по горячей чешуе.

— Ты нас спас, дружок, — говорю я ему и он едва заметно сжимает когти, давая мне понять, что отлично слышит и все понимает. — Но теперь тебе лучше держаться подальше от всех. Если тебя увидят, страшно представить, что тут начнется.

— Езжай по этой улице и в конце ее поверни направо, — говорит Мелвилл Чивсу. Нам нужно попасть в переулочек торговцев. Сейчас тут жизнь в самом разгаре и нам повезло, что мы добрались так быстро.

— У меня хорошие собаки, — с гордостью говорит Чивс.

Я осторожно выглядываю из повозки и вглядываюсь в лица людей. Тут все носят длинные бороды, пестрые наряды и говорят так громко, что при желании можно подслушать любой разговор.

— Почему они так громко говорят? — спрашиваю я.

— Они глухие, вот почему, — говорит Чивс, — что-то в здешней воде... Кто побогаче, тот пьет воду, которую возят из других мест, а беднота вся поголовно глохнет годам к пятнадцати. Я бы никогда в жизни не стал селиться в этом проклятом городе.

Приглядевшись я вижу, что некоторые показывают друг другу какие-то сложные жесты руками, словно подкрепляя свои слова.

— К старости они уже не могут говорить и начинают использовать язык жестов. Однажды все тут замолкнут окончательно и этот город станет безмолвным.

— Вот здесь поверни, — говорит Мелвилл. — Переулок торговцев.

— Знаю я, — огрызается Чивс. — Я тут был сто раз.

— Может быть ты и Дерека этого знаешь? — спрашиваю я.

— Не доводилось встречаться. Если он вылавливает рыбу из реки, то он уж точно с простым человеком не общается. Промышлять ловом рыбы — это привилегия самых влиятельных.

— Почти приехали, — говорю я Иосу и сжимаю его руку.

Он сжимает мою руку в ответ, но только неразборчиво что-то бормочет в ответ не открывая глаз.

— Останови, — говорит Мелвилл и спустя пару мгновений спрыгивает с повозки.

Он ловит какого-то мальчика и спрашивает у него:

— Где тут найти Дерека? Он торговец рыбой.

— Торговец рыбой? — мальчик смущенно хмурится. — У нас таких нетх...

— А кто может знать?

— Дерек... Я знаю только одного Дерека, важная шишка. Ну как знаю... Видел издали. Он владеет рынком и ходит с охраной. Мой брат один раз чистил ему обувь, до сих пор рассказывает, а уж полгода прошло. Вроде бы, он когда то был торговцем рыбой, когда меня еще не было на этом свете.

— Где его найти? — спрашивает Чивс?

— Так он в своем особняке, под куполом. — Мальчик указывает на возвышающийся над низкими одноэтажными домиками купол большого здания. Но вы туда не попадете, если у вас нет специального приглашения. Хотя... Вы в имперских доспехах, а он, говорят дружит с самым великим князем драконов Зенедиром Салемсом... Так что, может быть вам и повезет.

Мальчик вытягивает руку.

— Если хотите знать больше, дайте немного монет.

11

Чивс переглядывается со мной, я киваю, и он, вздохнув, бросает мальчику монетку.

— Хотите узнать что-нибудь еще? — спрашивает он, хватая монетку на лету и тут же ловко прячет ее под одежду.

— Больше ничего, — говорит Мелвилл и глядит на меня, ожидая распоряжений.

— Поехали туда, — говорю я наконец, — все равно у нас больше нет других вариантов.

Мелвилл снова усаживается рядом с Чивсом, и тот тихим свистом приказывает собакам трогаться.

— А вам он зачем? — спрашивает мальчик и идет за повозкой следом, видимо ожидая еще вознаграждения за свою услужливость.

— Не твое дело, — бросает ему чивс.

Собаки, явно не привыкшие к городской суеде и дорогам, ступают вперед неуверенно и то и дело озираются по сторонам, когда слышат резкие звуки. Я стараюсь успокоить их как могу. Двенадцать тревожно бьющихся сердец.

— Я не видел его семь лет, — вдруг еле слышно говорит Иос. — Похоже он укрепился здесь еще больше, чем раньше. Что этот малец говорил про его дружбу с драконом?

Мелвилл, который слышит Иоса, обращается к мальчугану:

— Что ты там говорил про князя? С чего ты взял, что великий князь будет водить дружбу с каким-то провинциальным торговцем?

— Так он сам постоянно этим хвалится. Когда с месяц назад сюда прибыли солдаты из столицы, он всем рассказал, что это по его личной просьбе они сюда явились, чтобы защитить нас от набегов дикарей.

Мелвилл в ответ на это только ухмыляется.

— Похоже твой братец любит приврать, — говорит он, обращаясь к Иосу. — Неудивительно, что он стал большим человеком.

Дом Дереха действительно отличается от всех остальных. Высоченная стена забора закрывает его от взглядов горожан, а на башнях стоят вооруженные люди, явно готовые стрелять, если понадобится.

— Проезжай мимо, пока мы не перевернули твою телегу, — не слишком учтиво говорит начальник отряда охранников, стерегущих ворота, которые вполне могли бы при необходимости выдержать среднего размера таран, когда Чивс тормозит возле ворот и спрыгивает с повозки.

И от кого этот Дерек тут так защищается? Неужели от соседей?

— Я по важному делу, — говорит Чивс, — доложите моему хозяину, что у него гости.

— Иди отсюда, оборванец, пока цел, — еще более угрожающе говорит охранник.

— Я от его брата, Иоса, не сдастся Чивс, хотя я чувствую, что ему страшно и он еле держится, смело глядя в глаза вооруженной до зубов охране, которая начинает злиться и достает мечи.

Еще не хватало здесь драки.

— Что-то я не слышал, что у хозяина есть какой-то брат.

— У вас в Тайлене у всех, похоже, вместо головы задницы, вот вы и не слышите ничего, — огрызается раздраженный Чивс.

До меня доносится звук стали высвобождаемой из ножен.

— Ну все, ты договорился... — рычит предводитель охранников. — Сейчас я буду тебя учить.

— Спокойно, — говорит Мелвилл, встречая в перепалку. — Уберите оружие.

— А ты что, хозяин мира что ли, чтобы нам приказывать?

— Я солдат имперской гвардии, — спокойно говорит Мелвилл, — не советую вам говорить со мной в таком тоне.

— И чего ты тут забыл? Это охраняемая территория, сюда никому нельзя заходить без разрешения, будь ты хоть самым великим князем драконом или императором, будь он неладен. Так что забирай своего оборванца, и вали отсюда, пока мы не зарубили пару ваших псов, или чего похуже.

— Дерек будет недоволен, когда узнает, что, возможно, по вашей вине его брат погиб, дожидаясь помощи, которая так и не пришла... — просто говорит Мелвилл и уводит Чивса к повозке.

— Брехать каждый горазд. У хозяина нет столько времени, чтобы выслушивать каждого проходимца. Желающих много, а он один.

Начальник охраны говорит уверенно, но я слышу в его голосе затаенный страх.

Я чувствую, как Иос берет меня за руку, а потом что-то вкладывает в мою ладонь.

— Пусть они передадут это ему. Он поймет, — говорит он с трудом.

Я смотрю на золотое кольцо с маленьким прозрачным зеленым камнем, которое Иос всегда носит на указательном пальце.

— Это кольцо нашей матери, она оставила его мне. Он поймет, если увидит.

— А если они заберут его себе? — спрашиваю я.

— Чудо уже то, что я жив, Анна, — с улыбкой говорит он, — попробуем поверить в чудо еще раз.

Я передаю кольцо Мелвиллу и он относит его охранникам.

— Это кольцо его брата, — говорит Мелвилл. — Он в этой повозке, умирает и ждет помощи.

Он указывает на повозку. — Лучше бы вам поторопиться и сообщить Дереку, пока его брат еще жив.

— Я посмотрю, — наконец, говорит начальник охраны и идет к повозке.

Я прячусь за ящиками и кутаюсь в ткань, чтобы меня не было видно.

Охранник подходит, заглядывает внутрь и видит лежащего Иоса.

Я как могу вселяю в сердце охранника зерно сомнения, чтобы он не прогнал нас и отдал кольцо брату Иоса.

— Ладно, — наконец говорит он, — я передам. Дай сюда кольцо.

Он берет кольцо и быстро уходит за ворота.

Спустя бесконечно долгие минуты, ворота, наконец, открываются и из них в окружении нескольких вооруженных до зубов воинов, выходит полноватый невысокий человек лет сорока. За ним, с пристыженным видом следует начальник охраны.

— Где он? — кричит человек. — Где мой брат?

12

— Он там, — слышу я приглушенный голос охранника. — Поверьте моему опыту, это какие-то проходимцы. Если разрешите я немедленно выпровожу их куда подальше...

— Разберемся, — стальным тоном обрывает охранника Дерек.

Он откидывает полог повозки и ему достаточно беглого взгляда, чтобы все понять. Его цепкие умные глаза очень похожи на глаза Иоса, но на этом, кажется, сходство заканчивается. Дерек полноват, моложе лет на десять, невысокого роста и носит холеную бороду, на которую, кажется, вылил целую бутылку масла, настолько она блестит. Одежда его расшита золотом и драгоценными камнями, словно он не меньше, чем представитель какой-нибудь высокородной династии. Однако, мозолистые руки и загорелое лицо выдают в нем выходца из народа, чего он, похоже изрядно стесняется.

— Брат, — говорит он как-то удивленно, словно увидел мертвеца.

— Здравствуй, дерек, — хрипит Иос, пытаясь приподняться. — Я знаю, что мы в последний раз расстались с тобой не на лучшей ноте...

Я сжимаю его руку, стараясь успокоить, потому что его сердце начинает биться очень часто. Слишком часто для его состояния.

Я стараюсь сделать так, чтобы моего лица не было видно, надев капюшон, замотавшись в шарф и опустив голову, но чувствую пристальный взгляд брата Иоса на себе.

— Я уже не надеялся, что когда-то увижу тебя снова, брат...

— А я не думал, что у меня хватит духа сделать шаг навстречу, Дерек. Но как видишь, судьба решила за меня.

Он снова пытается приподняться, но Дерек жестом останавливает его.

— Пожалуйста, не двигайся. Лежи спокойно, — говорит Дерек. — Ради нашей покойной матери, забудем наши обиды. Я не знаю, что с тобой произошло, но я уверен, что это не просто так, я уверен, что это судьба.

Я с удивлением вижу, как из глаза Дерек вытекает слезинка и катится по щеке, скрываясь в конце концов в бороде.

— А кто это создание рядом с тобой? — спрашивает Дерек

— Это моя...

— Его жена, — говорю я неожиданно для себя и поднимаю на Дерек глаза, встречаясь с его резким пытливым взглядом. Я почти физически ощущаю, как работает его мысль в эту минуту. Он видит сваленные грудой имперские доспехи, видит помятое лицо Мелвилла и искалеченного брата и пытается понять, что все это может значить для него, и как ему следует вести себя.

— Вы поможете ему? — спрашиваю я, — он упал со скалы и покалечился, ему нужен доктор. Мы не знали к кому еще обратиться. Мы гнали всю ночь в надежде найти у вас помощь.

После минутного молчания Дерек наконец что-то решает про себя.

— Разумеется! Мой дом — это дом моего брата, и всякого друга моего брата, — из задумчивого выражение его лица сменяется на деловое и он тут же начинает отдавать приказы своим людям.

Я облегченно вздыхаю, чувствуя, что хотя бы на ближайшее время можно хоть немного расслабиться. Похоже этот Дерек не так уж плох и брата он, судя по всему, любит, или так кажется. Во всяком случае то, что он не отказал ему, уже о чем-то говорит.

Повозку с собаками заводят во внутренний двор и я наконец могу выпрыгнуть наружу, впервые за несколько часов ощутив твердую почву под ногами.

Сразу несколько человек осторожно вытаскивают Иоса из повозки и несут внутрь роскошного дома, я следую за ними и чувствую, что Чивс и Мелвилл неотступно следуют за мной.

Стоило нам заехать во двор, клинк незаметной тенью прошмыгнул куда-то под дом. Очевидно он отлично понял, что на глаза людям показываться нельзя.

— Кармина! — громко восклицает Дерек входя внутрь дома. — Ты не поверишь, солнце мое, что произошло.

По белоснежной мраморной лестнице спускается ослепительно красивая девушка в струящемся шелковом оранжевом платье. Ее длинные кудри сверкают, словно сделанные из драгоценного металла, а личико кажется сделанным из форфора, таким холеным и идеальным оно выглядит.

Дерек подходит к ней и нежно целует ее руку.

— Что за суета, что случилось, Диди? — спрашивает она капризным голосом и надувает губки.

— Нашелся мой старший брат Иос! — говорит он шепотом, но я прекрасно его слышу благодаря своим нитям, которые уже привычно выпускаю во все стороны, — ему нужна помощь, так что он какое-то время побудет у нас.

— А что это за оборванцы с ним? — спрашивает она брезгливо морща свой хорошенький носик. — Кажется, от них воняет. Они что, не моются?

Проходя мимо, я встречаюсь взглядом с Карминой и чувствую исходящую от нее волну презрения.

Мы проходим по широкому коридору, оставляя следы песка на дорогих коврах. Иоса заносят в одну из роскошно обставленных комнат и кладут на огромную кровать, на которой уместилось бы человек пять при желании.

Я распространяю нити туда, где Дерек разговаривает со своей Карминой, чувствуя, что подслушивать нехорошо, но желание быть в курсе перевешивает стремление быть правильной.

— Они простые пустынные жители, душа моя, — лебезит перед ней Дерек. — Я тебе обещаю, с ними не будет никаких проблем.

— А что это за девочка? Почему она замотана и не показывает лица? Уж не заразная ли она? Говорят эти бедняки чем только не болеют...

Дерек вздыхает.

— Это его жена, видимо стесняется. Она же наверняка из пустынниц и никогда не была в достойном, как наше с тобой общество. Прояви немного сострадания к бедным, милая. Поздоровайся с ней. И может быть, дай ей что-то из своих нарядов, если она захочет.

— Ты сошел с ума, Диди, — капризно говорит Кармина. — Может быть мне еще и подругой стать этой оборванке?

— Если надо, станешь и подругой, — в голосе Дерека вдруг звучит неожиданный отголосок стали, который звучал, когда он говорил со своими людьми. — Мой брат вырастил меня и сделал меня человеком. Я обязан ему если не всем, то очень многим. Так что будь добра, любовь моя, сотри с лица эту брезгливую гримасу, и хотя бы сделай вид, что ты можешь быть гостеприимной. Окажи девочке достойный прием.

— Хорошо, — говорит она покорно, и я чувствую, что в ее сердце кипит яростное возмущение и обида.

13

Лилиана

— Отпустите меня! — кричу я, с ужасом глядя на то, как юнцы уносят бездвижное тело князя Каэна Сандерса. — Вы не имеете права меня удерживать!

— Держите крепче, говорит Салемс оборачиваясь ко мне.

Я вижу в его лице такую злобу и яростный триумф, что у меня перехватывает дыхание.

— Сегодня лучший день моей жизни, девочка, — говорит он, приближая свое лицо к моему. — Будь покладистой и хорошей, и я, возможно отнесусь к тебе с добром.

— Что ты сделал с Тайделом? — спрашиваю я, пытаюсь безуспешно вырваться из хватки солдат с гербами рода Салемса. Страшная тревога за брата застигает мой разум и словно выдергивает сердце из моей груди, уводя на задний план даже страх перед этим жестоким князем.

— Не переживай за своего братца, он цел, почти невредим, и до поры будет жить.

Он проводит пальцем по моей щеке, стирая слезу и вытирает ее о свой бордовый камзол.

— Лыдинка начинает таять. Мне это нравится. Смотреть на твои слезы так же приятно, как слышать твой сладкий крик.

Он приближается все ближе и уже шепчет мне на ухо.

— Жду не дождусь, когда ты будешь умолять меня, чтобы я заставил тебя кричать.

Глаза мои застилает пелена черного отчаяния. Горло перехватывает от ужаса того, что мне теперь предстоит и я проклинаю про себя Каэна за то, что он спас меня, проклинаю за то, что вернул меня в эту жизнь. А ведь я была так близка к мужу, еще какое-то мгновение, и я бы воссоединилась с ним в другом мире, воссоединилась навсегда.

— Я лучше умру, — говорю я сдавленно, отворачиваясь от зловонного дыхания князя.

— Умереть я тебе не дам, лыдинка моя. Я слышал, ты уже пыталась отобрать у нашего мира свою бесценную жизнь. Это было бы очень плохо с твоей стороны. За твоё спасение, пожалуй, я вознагражу нашего общего друга Каэна. Он заслуживает милости за то, что сохранил тебя для меня. А у меня большие планы на твоё сладкое тело.

Он приближается еще и я чувствую, как он прикасается своим шершавым языком к моей щеке. Содрогаюсь всем телом и дергаюсь что есть сил, но лишь причиняю себе боль. Солдаты держат меня так крепко, что мои кости едва не ломаются в их хватке.

— Ну что ты дергаешься? — в голосе Салемса звучит нотка холодной стали, — чем больше ты будешь упрямиться, тем сильнее будет разгораться мой огонь. Ты же отдалась старику, почему бы тебе не отдаться и мне?

— Ты не стоишь даже единого волоса Шрайка, поганый мерзавец, — рычу я и пытаюсь ударить Салемса ногой. Однако он тут же отходит в сторону, из за чего я промахиваюсь.

— Уведите ее, и смотрите, чтобы окна были закрыты, а двери стерегла лучшая охрана. Не оставляйте ее одну ни на мгновение, не хватало еще, чтобы она наложила на себя руки.

— Ты не получишь того, что хочешь. Так что лучше убей меня сразу.

— Наивная душа. Как сладко звучит твоя злость, какое удовольствие я получу, когда ты сама встанешь на колени и дрожащими руками будешь расстегивать ремни на моих штанах, стремясь к тому, чтобы ублажить меня.

Я плюю ему в лицо но он лишь ухмыляется.

— Плохо так вести себя со своим императором, юная Лилиана. Похоже, твой бывший муж плохо научил тебя тому, как подобает вести себя. Ну что же, я научу тебя. Дай только время.

Он подходит ко мне и впивается своими мерзкими губами к моим, крепко сжимая мои волосы рукой, так, что мне становится нестерпимо больно.

Я кричу и дергаюсь, пока он пытается засунуть свой мерзкий язык мне в рот.

Через мгновение он вскрикивает, когда чувствует боль от моего яростного укуса и отрывается от моих губ.

— Ах ты стерва! — вскрикивает он и я вижу кровь у него на губах.

Он достает белоснежный платок и вытирает им губы.

— Маленькая тварь. Ну посмотрим, что ты будешь делать, когда я перестану быть добрым.

Он замахивается рукой и я съеживаюсь и зажимаюсь, ожидая удара, но удара не следует.

— Не хочется уродовать твое точеное личико раньше времени, — говорит он. — После коронации я с тобой разберусь.

— Народ не примет тебя, говорю я, сплевывая его кровь. Жалея в эту минуту только о том, что укусила его недостаточно сильно.

— Народ будет любить меня как своего спасителя. Каждый князь будет ползать у меня в ногах и славить меня, ожидая милостей. Вся эта империя будет славить меня день и ночь.

— Ты узурпатор и подлец! Никто не станет терпеть тебя на троне. А когда придет настоящий император, все твои планы пойдут прахом.

— Нет никакого настоящего императора. Твой муж взял с собой девчонку, которая не даст никакого потомства, она наверняка уже давно мертва. А если нет, то дни ее сочтены. Не будет наследника линии Шрайка, никто не найдет его чешую, потому что никто не знает где она. Как только жену Сандерса найдут, ее казнят на месте, как родственницу изменника империи.

— Ты всегда будешь знать, что занял трон, который не принадлежит тебе. А очень скоро кто-нибудь из твоих молодых союзников воткнет тебе нож в спину, чтобы занять твое место. Вся твоя жизнь теперь будет полна страха...

Я вижу, как он комкает платок, после чего запрокидывает мою голову отчего я вскрикиваю.

Злобно рыча он жесткими пальцами заталкивает платок мне в рот.

— Заткни свой клювик, птичка моя, я устал от твоего чириканья. Сейчас тебя отведут в твои покои и там ты будешь ждать меня. Уверен, ты соскучилась по мужчине, возможно даже уже забыла, каково это, когда в тебя входит настоящий дракон, а не какое-то дряхлое ничтожество. Жди, Лилиана, я скоро навещу тебя и заставлю кричать так громко, как ты никогда не кричала.

14

Каэн

Просыпаюсь от того, что кто-то изо всех сил пинает меня по ребрам. Начинаю кашлять, выплевывая кровь на каменный пол, покрытый толстым слоем зловонной плесени и грязи и сгнившим тростником.

— Отец просил о тебе позаботиться, изменник, — голос Киллиана, сына Салемса, звучит пискляво и восторженно, словно он наконец получил то, о чем мечтал всю свою жизнь — возможность поиздеваться над тем, кто сильнее его.

Я открываю глаза и смотрю на юнца. Цыплячья шея, узкие плечи и знакомый брезгливый взгляд, который он унаследовал от отца.

— Чего тебе надо, молокосос?

Он еще раз размахивается и бьет меня по ребрам сапогом. Он скалит зубы и издает какой-то странный звук. Только спустя мгновение я догадываюсь, что это подразумевалось чем-то вроде рыка. Но бездарный юнец, лишенный силы дракона, звучит как котенок, а не как зверь.

— Ты жалкое беспомощное дерьмо, — пищит он. Мой отец сохранил твою жизнь из милости, но он может и передумать.

— Я из милости прикончу этого подонка на твоих глазах, Килли. Обещаю тебе.

Мне очень хочется встать и переломить его тощую шею, но к сожалению руки мои прикованы к стене цепью и все, что я могу сделать — подставить другой бок, чтобы юнец ударил по нему.

Чувствую, что тяжело дышать. Похоже, сломаны ребра. Сила дракона пока не вернулась и я вынужден мириться с жалким человеческим телом неспособным заживлять собственные раны. Однако, я уже чувствую, как первые нити начинают проявляться внутри меня, едва заметно светясь в крошечной тьме по ту сторону моих глаз.

Но юнцу об этом знать необязательно. Еще немного и силы будет достаточно, чтобы разорвать цепи, и вот тогда мы посмотрим...

— Мой отец теперь император, его власть безгранична. А ты будешь гнить здесь, пока не сдохнешь.

Он злоратно скалится и снова пинает меня.

Я начинаю кашлять. Во рту пересохло и пить хочется так, словно если я не сделаю глоток воды, я немедленно умру.

— Если дашь мне попить, мальчик, я обещаю, что буду убивать тебя быстро.

— Хорошо, — неожиданно для меня говорит юнец и я слышу как он открывает крышку фляги, которую принес с собой. Я то был уверен, что они решили заморить меня жаждой.

Он открывает мне рот и вливает туда воду. Сперва я радуюсь, что наконец-то могу утолить жажду, но в другое мгновение чувствую тот самый привкус пепла, который почувствовал после поцелуя Софии. Отдергиваю голову, но уже поздно, яд, забирающий силу, снова разливается по моему телу.

— Пить ты можешь сколько угодно, Каэн, но я бы не советовал пить слишком много, эта штука только в малых дозах лишает силы, если выпить пару стаканов за раз, можно и сдохнуть. Что же ты? Не нравится?

Он хохочет и выливает остатки яда размешанного в воде на мое лицо.

— Воды ты не получишь до завтра, так что, я буду удивлен, если ты выживешь.

Он разворачивается и я вижу его ноги. Перед глазами все плывет, я пытаюсь сфокусироваться, но безуспешно.

Если так будет каждый день, моя сила никогда не вернется... Нужно что-то делать.

Слышу лязг закрываемой двери и что есть силы дергаю цепи. Но все, что мне удастся сделать — это причинить боль моему израненному телу.

Я дергаю снова и снова, в надежде на то, что цепи поддадутся, но спустя несколько минут в изнеможении падаю на пол.

— Это бесполезно, — слышу я голос, приглушенный стеной. — Ты можешь не стараться.

— Кто это? — спрашиваю я, пытаюсь понять, откуда доносится этот странный голос. Он звучит так, словно у человека, который говорит, нет половины зубов, однако кажется ужасно знакомым.

— Это Тайдел, — говорит голос.

Брат Лилианы? Что он тут делает?

— Как ты тут оказался? — спрашиваю я вглядываясь в щели в стене. Похоже, звук идет именно оттуда.

— Думаю, так же, как и ты, Каэн. Зенедиру Салемсу не понравилась моя неуступчивость и приверженность закону. Он так торопился, что решил узурпировать трон, не дожидаясь выборов. А как ты здесь оказался?

— Меня не должно было быть здесь, — говорю я, — но твоя сестра...

— Что с ней? — голос Тайдела сразу же меняется. Теперь в нем чувствуется боль и страх.

Я раздумываю, стоит ли ему сказать все, как есть, или предоставить сокращенную и смягченную версию событий.

— Скажи, Каэн.

— Я летел над замком и увидел, как она летит с башни. Я не мог не спасти ее. Хотя, теперь, возможно, она ненавидит меня за это. Она все правильно поняла и оказалась куда разумнее нас с тобой, Тайдел. Теперь она в лапах подонка и один первый дракон знает, что с ней будет.

Тайдел молчит очень долго, мне кажется, что я слышу, как он плачет, но наверняка я сказать не могу.

— Тайдел, — наконец окликаю его я.

— Это я во всем виноват, — говорит он наконец. Мне нужно было послушать ее, когда была возможность.

— И теперь, похоже, мы заплатим за это своими жизнями. А она заплатит за нашу глупость.

— Прости меня, Каэн, — говорит Тайдел. — Я знаю, что ты предлагал ей помощь. Но я отговорил ее, я надеялся, что Салемс не посмеет...

— Мне не нужны твои извинения, — раздраженно говорю я. — Нужно думать, как выбраться отсюда. Нужно найти мою истинную, нужно узнать, под каким камнем Шрайк оставил свою чешую и вернуть власть истинному наместнику. Я знаю, что Анна жива, я чувствовал ее, пока не отобрали мою силу, чувствовал до последней минуты.

— Если она жива, Каэн, то почему не вышла на связь?

— Я не знаю...

Мы проводим в молчании еще какое-то время. Тайдел, наконец, нарушает тишину.

— Если она жива, то я думаю, что есть способ найти ее. Перед тем, как она отправилась со Шрайком в его последний полет...

Голос Тайдела вдруг замолкает и я слышу лязг замков в соседней камере. А вслед за этим, голос Зенедира Салемса.

— Посмотри, что пришлось с ним сделать из за твоего упрямства, глупая девчонка, — нарочито укоризненно говорит он кому-то.

— Лилиана! — вдруг вскрикивает Тайдел и я слышу, как он гремит цепями, похоже, пытаюсь выбраться.

В следующее мгновение я слышу приглушенный крик Тайдела и звук падающего на пол тела.

— Перестань это делать! — вскрикивает Лилиана, в ее голосе звучит ужасная боль и отчаяние. — Я сделаю все, что хочешь, только перестань.

15

Лилиана

Всю ночь я вслушиваюсь в шаги за дверьми не смыкая глаз. Солдаты, которых Салемс приставил ко мне, чтобы они следили, как бы я не попыталась снова сделать то, что помешал мне сделать Каэн, стоят возле окон и дверей. Они не ушли даже тогда, когда я сказала, что мне нужно переодеться.

— Приказ был четкий, не спускать глаз ни на мгновение, — сказал суровый воин из гвардии Салемса.

Когда меня заводили в мои покои я старалась не замечать пятен крови на мраморном полу. Люди, которых я могла считать своими, теперь либо были мертвы, либо перешли на службу к узурпатору.

Как же быстро все произошло. От осознание неотвратимости и неизбежности того, что хочет сотворить со мной этот отвратительный дракон, все внутри меня сжимается, выворачивая меня наизнанку.

Если бы я и хотела забыться сном, я бы не смогла. Больше не было ни одной причины для меня жить, но права решать жить мне, или умереть, меня лишили.

Я ложусь на кровать в одежде, в которой прожила этот безумный день, и заворачиваюсь в одеяло.

Теперь я понимаю, что мне стоило прислушаться к Каэну. Каковы бы ни были его мотивы, он уж точно не такое чудовище, как Зенедир Салемс, каковы бы ни были его недостатки, у него хотя бы есть признаки наличия сердца... Или, быть может мне только хочется так думать?

Лежа в кровати, я смотрю на силуэты солдат, едва заметно очерченные лунным светом из окна. Их доспехи едва слышно позвякивают, когда они меняют положение. Почему они выполняют его приказы? Почему закрывают глаза на преступление? Ведь они же знают, что то, что делает Салемс - незаконно. Но все равно делают это.

Неужели все дело в деньгах, которые им платят?

А ведь у них наверняка есть дети, жены, родители. Сегодня они здесь, а завтра их сменят другие, точно такие же для меня, одинаковые, но совершенно уникальные для своих близких.

— Как тебя зовут, солдат, — вдруг спрашиваю я, нарушая безмолвие темной комнаты.

Солдат едва заметно вздрагивает услышав мой голос.

— Нам не велено вести с вами беседы, наместница.

— Сложно сказать имя?

Он раздумывает несколько секунд и тихо говорит:

— Хиллман, ваша светлость.

— Зактнись, Хиллман, — говорит другой солдат, явно старше по званию, из тех, что стоят у двери.

— Почему вы служите ему? — спрашиваю я.

Но в ответ я получаю лишь привычное безмолвие.

Я здесь совершенно одна и скоро меня ждет самое ужасное. Он придет и возьмет то, что хочет, а я ничего не смогу сделать, и эти солдаты будут лишь смотреть.

Я погружаюсь в странное состояние, когда еще не спишь, но уже и не бодрствуешь. Странное тревожное состояние, когда сознание выключается от перенапряжения всех внутренних сил, но страх не дает ему полностью отключиться, раздирая душу на части тревожным ожиданием.

Мне мерещится, что я слышу его шаги, как только сон начинает отвоевывать меня у жестокой реальности и я, вздрагивая, просыпаюсь. Прислушиваюсь, но не слышу ничего. И так раз за разом, отмечая, как за окном постепенно становится все светлее и светлее.

Наверное так ощущают себя люди, обреченные на казнь в последнюю ночь перед смертью. Но смерти-то я сейчас и желала бы больше всего.

Я пытаюсь отбросить в сторону мрачные мысли, застилающие весь видимый для меня мир, и сосредоточиться на хороших воспоминаниях. Но в память приходят лишь печальные картины последнего дня перед отлетом императора. Я вижу, как тяжело он дышит, надевая парадный военный костюм, вижу, как дрожат его руки от беспокойства и болезни.

— Я не могу видеть твоих слез, милая, — говорит он, — они словно острые ножи ранят меня в самое сердце.

— Моя жизнь закончена, Шрайк, — говорю я и вытираю слезы.

— Твоя жизнь будет долгой и полной счастья, Лили, — говорит он и обнимает меня.

— В ней не будет никакого смысла. Без тебя это будет не жизнь.

— Ты найдешь этот смысл, милая, — говорит он и целует мою руку. Я разрешаю тебе вновь выйти замуж, когда пройдет год после моей смерти.

— Нет, — мотаю я головой, — я больше не познаю ни одного мужчины, никогда.

— До чего же ты упрямая, Лили, и как же сильно мне не хочется покидать тебя. Я словно бегу из рая, и что ждет меня там?

— Ты же можешь остаться, — говорю я с надеждой, зная наперед, что надежде сбыться не суждено. — Ты можешь прожить еще несколько лет.

— Лежать в кровати, быть беспомощным и немощным остовом дракона? Я этого не хочу.

— Но Тайдел может продлить твою жизнь.

— Тайдел чудесный лекарь, но он не бог и он не может восстановить то, что разрушено в основании. Я прожил жизнь, которая была гораздо длиннее жизни десяти последних императоров. Я могу считать себя счастливым.

— Я не справлюсь без тебя, говорю я.

— Справишься...

Из полусна, полу воспоминания меня выдергивает прикосновение к моей груди.

Я тут же просыпаюсь и вжимаюсь в спинку кровати.

Сладострастно ухмыляясь, возле кровати стоит Салемс.

— Ты проснулась, льдинка, это хорошо. Пора готовиться к коронации. Я хочу, чтобы ты возложила имперскую корону на мою голову и провозгласила меня новым истинным императором. Да не трясись ты так.

Он выдирает одеяло из моих рук и смеется, раздирая мое платье грубыми пальцами.

Он хватает мою руку и не обращая внимания на мое сопротивление прикладывает ее к своей промежности.

— Чувствуешь эту силу?

— Будь ты проклят, подонок... Боишься, что они не примут тебя? Правильно делаешь.

— Еще одно слово и я прикажу солдатам выбить тебе зубы.

Он приближает свое лицо к моему.

— Тем более, что они тебе не понадобятся, чтобы ублажать меня.

От ужаса у меня темнеет в глазах. И я едва могу видеть его. Я знаю, что ему ничего не стоит сделать со мной все, что он хочет.

Салемс выдергивает меня из кровати, едва не ломая мне руку.

Я сдерживаюсь, чтобы не вскрикнуть от боли, и кричу ему в лицо:

— Я не боюсь тебя, и никогда не буду бояться. Пусть корону на тебя возложат твои прихлебатели, а я лучше умру прямо здесь.

Он одаривает меня долгим злобным взглядом. В эту минуту, кажется, он размышляет, как стоит поступить. Наконец, он кивает.

— Так просто не выйдет, льдинка. Я теперь вижу, что смерти ты не боишься. Смерть это то, чего ты хочешь для себя. Но захочешь ли ты ее для другого? Для того, кого любишь

всем сердцем? Для своего ненаглядного братца? — спрашивает Салемс и толкает меня в руки солдат.

— Ведите ее за мной, — бросает он, и быстрым шагом выходит из моих покоев.

16

Кармина влетает в комнату, которую мне выделили, совершенно неожиданно и с ее приходом, словно врывается порывистый ветер. Она тараторит без умолку, перемещаясь, как тигр в клетке. Ее платье развевается, подчеркивая ее стройный силуэт и одновременно скрывая его.

— Диди велел мне присмотреть за тобой, — говорит Кармина. Он теперь все время сидит с твоим мужем и совсем забыл про меня. И я скажу тебе прямо, что мне это не нравится. И ты мне тоже не нравишься, как и твои дружки оборванцы. До того, как вы явились сюда, все было хорошо.

— Прости, что потревожили тебя, — говорю я, повыше поднимая шарф и надевая капюшон. — И спасибо за гостеприимство.

— Когда вы уже уедете от нас?

— Как только Иос встанет на ноги, уж не сомневайся, — говорю я, чувствуя, что меня начинает охватывать раздражение от этой детской прямоты Кармины.

Наконец, она перестает хаотично перемещаться по комнате и застывает возле окна, словно мотылек, уставший хлопать крыльями.

— Чего ты кутаешься все время в эти тряпки? У тебя что, безобразно лицо? Ты болела оспой, или пустынной чумой?

Она брезгливо морщит носик и я вижу, как ее всю передергивает от отвращения.

Похоже, она сделала над собой огромное усилие, чтобы сейчас явиться ко мне. В некотором роде, я даже проникаюсь в эту минуту к ней каким-то чувством уважения.

Мне хочется сказать ей, что она права, и от пустынной чумы у меня отвалился нос, но я сдерживаюсь. Не хочется злить ее еще больше, а то, чего доброго, она уговорит Дерека вышвырнуть меня из дома.

— Не хочу оскорблять тебя, госпожа, видом своей простоты, — говорю я, стараясь, чтобы мой голос звучал как можно покорнее.

— Ты странная... Имя у тебя есть?

— Мое имя Анна.

— Интересное имя, пустытники не дают таких имен.

— Откуда ты знаешь, какие имена дают пустытники?

Но она лишь отмахивается от моего вопроса, словно я сказала глупость.

— Ты знаешь, что от тебя воняет? — вдруг говорит она. — Диди предложил мне совсем глупую вещь, дать тебе мои наряды, чтобы ты могла снять с себя эти обноски. По своей воле я бы ничего тебе не дала, но его слово для меня закон. Так что пойдем, сначала организуем тебе ванну.

Она вдруг снова срывается с места и брезгливо берет меня за руку. Мне сложно представить, чего ей стоит этот жест.

— Да не бойся ты, — говорит она, — все будет хорошо. Девочки, которые работают у Диди мойщиками, делают такой массаж, что ты почувствуешь себя новорожденной.

В конце концов я поддаюсь и иду за ней. Мои нити говорят мне, что Кармина, по крайней мере, ничего не скрывает в данную минуту.

Я, привычным движением дотягиваюсь нитями до Иоса, прислушиваюсь к его сердцебиению. Похоже он спит. Все время, что мы здесь, эти несколько дней, он только спал и ел, а брат не отходил от него ни на шаг, не разрешая больше никому присутствовать в комнате Иоса, кроме доктора. И даже мне он позволял взглянуть на него лишь раз в день и то на пять минут. Никакие просьбы и уговоры не работали.

— У нас, в отличие от ваших варварских обычаев, принято мыться на столичный манер, Диди тратит целое состояние на воду для купания.

В полумраке купальни, отделанной черным мрамором, нас уже ожидают сосредоточенного вида низкорослые женщины.

— Моим условием было, что он наймет самых страшеньких, — говорит Кармина, -- а то, сама знаешь, мало ли что.

— Можете снять одежду, — госпожа, — говорит одна из женщин.

— Ну же, смелее, — я подожду тебя, — говорит Кармина.

И Кармина не соврала. Сперва горячая вода, потом мыло, потом массаж. Купальщицы не дали мне сделать буквально ничего самой, приняв меня в свои руки. Они осторожно раздели меня и указали на ванну, наполненную ароматной водой, от которой исходил пар. Сперва я чувствовала смущение, но через несколько минут вода так расслабила меня, что я перестала сосредоточенно и настороженно напрягаться и впервые за очень долгое время позволила себе полностью расслабиться, раствориться в горячей воде, пока одна из женщин мыла мне голову.

— Вы беременны, госпожа, сказала тихонько одна из них.

Я прикладываю руки к животу, чувствуя, как внутри пульсирует крохотное сердце, от которого расходится во все стороны тысячи нитей силы, защищающей меня.

А я-то наивно думала, что никто не заметит моего округляющегося живота. По крайней мере, пока я была в одежде, это можно было скрывать от других...

— Похоже на то, — говорю я шепотом. — Но не говорите никому, пожалуйста.

— Шило в мешке не утаишь, — с улыбкой говорит женщина.

Перед тем, как выпустить меня из купальни, на меня надевают длинный мягкий халат и даже дают мне маску, скрывающую мое лицо. Удивительная предусмотрительность.

Кармина уже ждет меня на выходе.

— Ну как? Я была права?

Сквозь прорези легкой тканевой маски я смотрю на нее и киваю.

— Я действительно заново родилась, спасибо — говорю я с улыбкой, и вдруг вижу, как глаза Кармины загораются инетресом.

Она подходит ко мне ближе и осторожно подносит руку к камню, висящему на моей шее.

— Откуда это у тебя? — спрашивает она и в ее голосе я слышу плохо скрываемое удивление.

17

Я прячу камень подальше, сильнее запахивая полы халата.

— Это ничего, просто камешек, муж подарил.

Она задерживает на мне долгий взгляд и поджимает губы. Она смотрит на меня так пристально, что в конце концов я вынуждена отвести взгляд.

— Правда, — говорю я, чувствуя странную растерянность.

— Ты мне ничего не должна, Анна, — говорит, наконец, Кармина, — но врать не обязательно. Ты можешь скрывать свое лицо, но когда я слышу вранье, я распознаю его без ошибки.

— Но я...

— Брось, — говорит она и прикладывает палец к губам. — Пойдем, я подберу тебе что-нибудь подходящее из моих вещей.

— Ты так и не покажешь свое лицо? — говорит Кармина, после того, как полчаса подбирает для меня подходящий наряд, пока, наконец, не удовлетворяется, остановившись на легком зеленом платье, которое очень удачно скрывает мой округляющийся живот.

— Я...

— Чего ты боишься?

— Хотела бы я сказать, что не боюсь ничего, но это будет неправда.

— Я уже поняла, что ты не из пустынников. И я вижу, что носить платья для тебя не новинка. У тебя руки аристократки и кожа такая, какой не бывает у местных, проводящих много времени на улице. К тридцати годам они уже походят на старух из за солнца и тяжелой работы.

— Я не знаю, кто я, — наконец, выдыхаю я, говоря чистую правду.

— Это как?

Кармина поправляет заколку у меня в волосах и вместе со мной смотрит на меня в зеркало.

— Не вижу твоего лица, но почему-то мне кажется, что ты очень красива.

Я понимаю, что теперь показывать лицо еще опаснее, чем до этого, когда во мне могли видеть только чумазую замарашку пустынницу. Теперь, с прической, в красивом платье я точно гораздо больше похожа на свое изображение на портрете, который распространяют люди, что хотят убить меня.

— Это не простой камешек, — говорит Кармина. — Я видела такие, и легко отличу пепельный кайденский изумруд от любого другого камня. В нем заключена большая сила. В магистериуме такие камни используют, чтобы запечатывать мощные заклинания. Вязкая структура этого кристалла способствует удержанию даже самых сложных печатей. А этот камень, кажется невероятно чистым.

— Откуда ты все это знаешь?

Кармина смущенно прячет глаза и умолкает. Пауза уже начинает становиться неловкой, когда она, наконец, говорит:

— До того, как встретить Диди, я общалась с одним магистром и почти стала адепткой, но судьба отвела меня, слава всем богам, от этого. Иначе Дерек я бы не встретила.

— Я думала, ты из этих мест.

— Из этих, но я еще в детстве сбежала и добралась до сердца империи, я всегда знала, что жизнь в трущобах этого поганого города не для меня. Лучше встретиться со смертью, чем прожить всю жизнь, не разгибаясь копошась в твердой земле на палящем солнце. Забавно, что судьба привела меня обратно и именно здесь я нашла свое настоящее счастье.

Слушая голос Кармины, я аккуратно сжимаю в руке камень и только теперь, направив на него столько нитей, сколько могу, начинаю чувствовать скрытую в нем силу и понимаю, что Кармина не шутит. Чем дольше я всматриваюсь в него, тем явственнее я вижу его глубину и разворачивающуюся в этой глубине силу.

Я смотрю ей в глаза и почему-то чувствую, что если бы я хотела довериться ей, то она бы не обманула мое доверие. Несмотря на то, что я знаю ее всего ничего. Ее прямота и искренность, кажется, способна почти мгновенно либо располагать к ней людей, либо отталкивать насовсем.

Но говорить ей о том, что меня ищут, думаю, все равно не стоит. Что-то подсказывает мне если солдаты лорда дракона узнают, что я здесь, то они не оставят от этого места даже руин. А Кармина даже и невольно, но может проболтаться Дереку, и кто знает, что он сделает с этой информацией?

— Так вот вы где! — вдруг слышу я голос со стороны входа и поворачиваюсь, чтобы посмотреть. Дерек идет к нам, лучезарно улыбаясь.

— Диди, ну наконец-то ты пришел. Кармина тут же обвивает его шею своими изящными руками и не стесняясь, целует его в губы. Я смущенно отворачиваюсь, при виде таких явных проявлений чужих любовных чувств.

— Постой, милая, ну мы же не одни. Может познакомишь меня со своей подругой?

— Дурачок, — смеется Кармина, — это же Анна, жена твоего брата. Сколько бы я ее не уговаривала, она ни в какую не хочет снимать свою дурацкую маску, а я уверена, что она должно быть весьма хорошенькая девчонка.

— Ой, — по детски говорит Дерек и я вижу его растерянное лицо. — А я и не узнал вас, Анна! Похоже, Кармина сотворила маленькое чудо!

— Девочка не так проста, — говорит она и смотрит мне в глаза. Конечно, она не видит выражения моего лица, но, я надеюсь, что она не будет говорить лишнего, как про мою беременность, так и про камень, обладающий чудесными свойствами.

— Конечно не проста! — с восторгом говорит Дерек. — Мой брат не клюнул бы на простушку. Простите, Анна, что мы говорим о вас так беззастенчиво, но я просто ошеломлен вашим преобразованием. Надеюсь, вас это не задевает.

— Все хорошо, — говорю я, — чувствуя, между тем, ужасную неловкость.

— Хочу сказать, что вы можете проведать мужа, похоже, самое страшное миновало и теперь доктора говорят, что он точно поправится, дело лишь во времени и надлежащем уходе. И разумеется, в присутствии любящих людей поблизости. Вы не представляете, как я испугался. Обрести брата и тут же потерять его — это было бы чудовищным ударом для меня. Ему уже можно принимать посетителей, но недолго. И раз такое дело, не хотите ли вы присоединиться к нам за ужином после того, как посетите мужа? У нас в гостях сегодня очень важный человек.

— Опять притащится какая-то шишка из торгового района? — спрашивает Кармина, закатывая глаза. Не думаю, что Анне это будет интересно, достаточно уже и того, что я буду помирать со скуки рядом с тобой.

— А вот и не угадала, -- с улыбкой говорит Дерек, — сегодня нас почтит визитом капитан из гвардии самого великого князя Салемса, он, можно сказать, практически его правая рука.

18

От упоминания князя Салемса я невольно дергаюсь. Похоже, слухи о том, что Дерек как-то связан с этим драконом, который по какой-то причине ищет моей смерти — правда.

— Ну так что? Хотите послушать истории про столицу и императора?

— Я бы хотела пойти к мужу, если быть откровенной, — говорю я.

— Понимаю, понимаю, — участливо говорит Дерек, —. Не хотите с нами ужинать, ваше право. Я попрошу, чтобы вам принесли еду в покои брата. Это подойдет? Пойдемте, я вас провожу.

— Спасибо говорю я, чувствуя, как меня начинает захватывать энергичность и торопливость Дерек.

— Только тихонько, — говорит он, прикладывая палец к губам, — Иос спит и лучше не будите его. Если что, слуги дежурят на входе, просите у них что угодно в любое время.

— Хорошо говорю я и сажусь на кровать рядом с Иосом.

Теперь он выглядит намного лучше. Лицо его теперь не такое обескровленное, как в последний раз, что я видела его.

Я беру его за руку и чувствую, как его сердце ровно и размеренно бьется даже без нитей.

Стараюсь гнать от себя тревогу. Что если Дерек каким-то образом вольно, или невольно выдаст нас людям Салемса? От страха у меня внутри все сжимается и я спохватываюсь, что слишком сильно сжимаю руку Иоса. Он что-то бормочет сквозь сон и его глаза начинают дергаться. Но спустя пару мгновений он успокаивается. Я направляю нити, чтобы успокоить его и сделать его сон более глубоким.

Растворяясь в музыке нитей, которую я уже делаю почти неосознанно, я пытаюсь погасить в ней и свою собственную тревогу. И отчасти мне это даже удается.

Я отправляю нити за пределы комнаты, туда, где негромко переговариваются Дерек и Кармина. Я чувствую угрызения совести за то, что подслушиваю, но мне надо быть уверенной, что ничего плохого не случится, и что в случае необходимости, Дерек будет на стороне брата, а не на стороне князя дракона.

— Она конечно странная, — слышу я голос Кармины, — и скрывает не только свое лицо. Здесь какая-то тайна, милый, и мне смертельно интересно узнать, в чем же дело.

— А мне-то как интересно.. — задумчиво говорит Дерек. Где он нашел эту девчонку? Он же сидел в своей пустыне отшельником долгие годы. С тех самых пор, как умерла его жена и дети, он ни разу не высовывал носа на люди. Я же пытался найти его, местные говорили, что он всех ненавидит и не подпускает людей из деревень на арбалетный выстрел, только в исключительных случаях соглашаясь вылечить кого-нибудь, кто серьезно заболел. А эта девушка...

— Что я могу сказать точно, она не пустынноца. Это странно, но у меня очень навязчивое ощущение, что вовсе даже наоборот.

— Что ты имеешь ввиду?

— Я думаю она из большого города и не из бедных, ее говор больше всего похож на то, как говорят в сердце империи.

— Ну Иос, ну и сукин сын, — с улыбкой говорит Дерек. — Даже в пустыне, где на сотни миль нет ни живой души, кроме ящериц, умудрился охмурить столичную красотку! Вот это я понимаю!

— Кровь не вода, — говорит Кармина, — и в этом, вы с братом, видимо, похожи.

Я слышу звук поцелуя и шуршание одежды.

— Позже, солнце мое, — капитан уже должен был прибыть, нехорошо заставляя его ждать.

— Какой ты скучный... Смотри, если тебе всякие капитаны будут интереснее меня, я ведь могу и упорхнуть.

— Даже не шути так, золотце, — говорит Дерек стальным тоном и слышится звук хлопка.

— Ай!

— Вечером будешь наказана по полной! — рычит Дерек и снова слышится звук поцелуя.

— Ну хорошо, — говорит Кармина выдыхая. — Надеюсь твой капитан уберется побыстрее.

— Пойдем...

Я испытываю неловкость, но продолжаю слушать, понимая, что сейчас от этого зависит моя и не только моя жизнь. Каким бы любящим братом не казался Дерек, я до сих пор не знаю, чего можно от него ожидать, и тем более не знаю, что ожидать от Кармины.

— Познакомьтесь, капитан — это моя жена Кармина.

— Наслышан о вашей красоте. Но слова ее не передают даже на малую долю, — слышится грубый низкий голос. — Для меня большая честь быть у вас.

— Это капитан Моррис, милая, а это... Простите, не знаю, как зовут вас.

— Сержант Свифт, — слышу я знакомый голос того самого сержанта, которого ранил Иос из арбалета. Этот голос я не забуду никогда.

Я направляю нити в его тело и вижу, что он испытывает сильнейшую боль в ноге, которая еще не зажила.

— Рад с вами познакомиться, сержант.

— Сержант Свифт у нас герой, его отряд был полностью разбит при поимке преступников в пустыне, он получил ранение, но так рвался вернуться в строй, что я решил поощрить его и взять с собой, посетить уважаемых людей.

— Значит вы герой? — с восторгом говорит Кармина. — И что же это были за преступники?

— Огромный отряд разбойников, — небрежно говорит Свифт. Человек тридцать, не меньше. Они укрывали преступницу и очень хорошо оборудовали укрепления. Погибло несколько отважных воинов, погибли, как герои.

— Да что вы говорите? — охает Кармина. — Погибли насмерть?

— Совершенно насмерть, увы.

— А та женщина, которую вы ловили? Надеюсь вам сопутствовала удача хотя бы в этом и теперь она предстанет перед судом?

— Боюсь, что нет... — голос Свифта звучит глухо и безжизненно. — Но совсем скоро мы ее возьмем.

19

лилиана

Салемс держит меня за шею, заставляя смотреть вперед.

— Видишь? Так выглядит глупость, льдинка, — шипит он мне на ухо. Узнаешь кто это?

Вглядываюсь в изуродованное тело человека, прикованное цепями к стене, пытаюсь разглядеть черты лица в полумраке сырой тюремной камеры.

— Нет, нет, это не он...

Все его лицо - один сплошной синяк, а ноги, явно переломаны, потому что повернуты под неестественным углом. Волосы, которые были когда-то серебряными, теперь покрыты черной запекшейся кровью.

С ужасом я узнаю в стонущем теле собственного брата Тайдела.

Я издаю сдавленный стон, не в силах смотреть на это и пытаюсь отвернуться, закрыться и не видеть...

— Смотри. Смотри внимательно. У всего есть своя цена, у всего. Запомни это. И весь вопрос только в том, какую цену ты готова заплатить. Тайдел сопротивлялся отчаянно, и заплатил высокую цену. А знаешь, что послужило наградой для него?

Он хватает меня за волосы и поворачивает мою голову так, чтобы я смотрела ему в глаза.

От боли начинают сами собой литься слезы, а внутри что-то сдавливает грудь так, словно сейчас она схлопнется, вместе с этой чудовищной комнатой, вместе с этим чудовищным миром.

— Поражение. Он ничего не добился, и только лишился зубов и несколько его костей никогда не срастутся правильно. Но он заплатил цену и принял верное решение — остаться в живых. А теперь вопрос к тебе, льдинка, готова ли ты заплатить цену его жизни за свое упрямство?

— Не слушай его, Лилиана, — вскрикивает Тайдел и натягивает цепи. Он рычит и пытается вырваться. Я смотрю на это, чувствуя, как все внутри меня обрывается, как последний едва теплившийся луч надежды погасает внутри, оставляя место только для черного отчаяния.

— Видишь вот это, Лилиана? — спрашивает салемс, показывая мне браслет на своей руке. — Стоит мне сжать его, вот так, и твой брат перестанет дышать навсегда. Хочешь попробуем? Надави, смелей!

Он берет мои дрожащие пальцы и сдавливает ими свой браслет. От этого движения Тайдел тут же начинает задыхаться, дергаясь всем телом.

Я пытаюсь вырваться, но Салемс держит меня крепкой хваткой дракона.

— Хватит, хватит... — сдавленно шепчу я, заливаясь слезами.

— Не хватит, еще нет, — качает он головой.

— Пожалуйста...

— Нет, — он сдавливает мои пальцы еще сильнее.

К отчаянию, полностью захватившему меня, присоединяется чудовищный ужас, невозможность вынести мысль, что мой брат не будет жить. Этого нельзя допустить.

— Я сделаю все, что хочешь, отпусти, отпусти его, пусть он живет.

В это же мгновение Салемс ослабляет хватку.

— Правильный выбор.

Тайдел начинает громко дышать, втягивая воздух в легкие.

— Видишь как все легко получается, когда у тебя нет выбора? — спрашивает Салемс и отпускает меня.

— Теперь ты будешь делать все, что я тебе скажу. Скажу поцеловать меня - поцелуешь. Скажу засмеяться - засмеешься. Захочу, чтобы лаяла как собака - будешь гавкать. Ты поняла?

— Да... Я сделаю все, только оставь его жизнь.

— Ну вот и умница. Можешь же ты быть хорошей девочкой, если с тобой говорить на правильном языке. Думаю, мы с тобой в конце концов поладим, верно ведь? Я не такой уж злодей, как ты обо мне думаешь. Ну? Что скажешь? Поладим?

— Да.. — непослушными губами говорю я, слушая хриплое дыхание брата. Только бы он дышал, только бы жил..

Салемс улыбается мне теплой улыбкой, и нежно гладит меня по щеке. На его лице не остается и следа той злобы, что безобразной печатью была на его лице несколько мгновений назад.

— А теперь на колени передо мной. Я хочу, чтобы он видел, как ты будешь ублажать меня, — говорит он сладким голосом.

Глаза его загораются безумным блеском и я чувствую, что мой взор завлакивает черная пелена.

— Или ты не усвоила урок, девочка моя? Стоит Ты же усвоила урок, девочка моя? Вот и закрепим.

Я падаю на колени, словно безвольная кукла, ничего не видя. Он кладет мои руки на свой ремень.

— Расстегивай.

Я почти не слышу его голос, он тонет смешиваясь с отчаянным ревом Тайдела. Руки не слушаются меня. Я цепляюсь за жесткую кожу ремня, пытаюсь сделать вдох.

— Ну что ты копаешься? — раздраженно говорит Салемс и сам расстегивает его. — Не строй из себя святую и прими в себя самое ценное — тебе ведь не привыкать ублажать императоров. Подними голову!

Он грубо хватает меня за волосы.

— Делай, что велено.

20

Анна

Я тихонько выскальзываю из комнаты, чтобы лучше слышать голоса гостей Дерека.

Я прошупываю пространство впереди, чтобы не натолкнуться на слуг, у которых могут возникнуть ко мне вопросы.

— Приходят хорошие новости из столицы. Наш великий князь, наконец, скоро станет императором. Это вопрос почти решенный.

— Да неужели? Князь Салемс?

Голос Дерека звучит так, словно он всю жизнь мечтал о том, чтобы этот Салемс стал императором. Интересно, какой ему с этого прок, или он просто болеет за него, считая его своим, раз приспешники этого князя снисходят до того, чтобы ходить к нему на обеды?

Что думает об этом Кармина, интересно.

Я осторожно прошупываю ее и вижу, что она откровенно скучает и почти не слушает говорящих. Дерек же, напротив, очень возбужден и сердце его бьется куда чаще обычного.

— Мы с Карминой решили, что отправимся в столицу, если император назначит дату коронации. Такое, для людей, бывает только раз в жизни. Эти драконы, знаете ли, так долго живут, что можно состариться и умереть, пока один сменяет другого.

Звучит сдавленный смех.

— Князь Салемс уже старый, — вдруг говорит Кармина, — может откинуть копыта довольно быстро. А еще я слышала, что у этого Салемса скверный характер.

— Неужто? — слышится голос капитана, — а где вы это слышали, позвольте поинтересоваться?

— Когда жила в столице я много чего слышала, — дерзко отвечает она, — и ни одного хорошего слова про вашего внязя.

— Кармина, ну что же ты так резко судишь, — пытается урезунить ее Дерек.

Я улыбаюсь, представляя себе лицо капитана. Судя по всему, кровь прилила к его голове и я могу поклясться, что этот толстяк сейчас красный, как вареный рак.

— Наш князь справедливый, честный и наиболее достойный дракон из всех претендентов, — говорит капитан.

— А я вот слышала, что он даже не умеет летать, насколько он дряхлый и жалкий.

— Кармина! — голос дерека звучит так, словно он вот вот провалится сквозь землю со стыда.

— Клевета! — вскрикивает капитан. — Непростительно говорить такое про будущего императора!

— Ну а что вы мне сделаете? — ехидно говорит Кармина. — Арестуете и бросите в тюрьму?

— Если бы не ваш муж, мы бы так и поступили.

Воцаряется долгая мучительная пауза. Сердце Дерека колотится так сильно, что вот вот выскочит из груди. Он явно лихорадочно соображает, что делать и как выйти из этой ситуации.

— Ладно вам, — наконец говорит Кармина, — я просто вас подтруниваю. чтобы не было так скучно. Это просто слухи, которыми меня снабдили уличные мальчишки.

— Не стоит распространять слухи... — строго говорит капитан. Впрочем, голос его звучит уже куда мягче.

Я подхожу чуть ближе к обеденному залу, так что уже могу заглянуть через портьеру на обеденный стол и сидящих за ним.

Во главе стола сидит совершенно бледный Дерек, рядом с ним улыбается Кармина. Капитан действительно красный, как рак, а вот сержант Свифт собран, словно в любую минуту ожидает нападения.

— Да уж, — говорит сержант, разрезая кусок мяса. — Слухи ходят разные, и не всем же им верить, так?

Он отправляет сочное мясо себе в рот и начинает жевать, поглядывая на Кармину.

— О вас, например, леди Кармина, говорят разное, особенно о том, чем вы занимались в столице. Но мы же не будем верить всяким глупостям, верно?

— За некоторые неловко сказанные слова можно лишиться и головы, — говорит Кармина, пристально глядя на сержанта Свифта.

— А знаете, какую вещь я недавно слышал? Вы не поверите, — пытается вмешаться Дерек.

— Диди, — перебивает его Кармина, — ты не хочешь спросить, что имеет ввиду сержант Свифт?

— Я? Что?

— Он говорит, что обо мне ходят слухи. Так вот, интересно, какие.

— Милая, ну не будем же мы заниматься этим ребячеством. Ну кто-то сболтнул лишнего, ну с кем не бывает? Давайте пить вино и радоваться жизни. Чего нам делить?

— Нечего делить.

Кармина встает и отодвигает свой стул.

— Простите, я не голодна. Оставлю вас в мужской компании, чтобы вы могли спокойно облизать своего князя в самых интимных местах.

Она быстро выходит из обеденного зала и я не без восторга смотрю ей в спину. Чем больше я ее знаю, тем сильнее она меня удивляет. Хотя поступок ее не назвать умным. Ведь эти люди могут навредить Дереку чего она, то ли не понимает, то ли не хочет понимать. Но с другой стороны, никто не заставлял его звать этих людей к себе домой.

— Еще ходят слухи, — говорит Сержант, — что девчонка, которую мы ищем, сейчас скрывается в городе.

Он переводит взгляд с капитана на Дерек и пристально смотрит на него.

— Вы ничего об этом не слышали?

— Девчонка? Какая девчонка?

— Было бы приятно, если бы вы сами их выдали. Но если нет, будут последствия.

— Я не понимаю о чем вы.

— Твою жену пустят по кругу, рыба ты голова, — рывкает на него сержант Свифт. Так понятнее?

— Сержант Свифт говорит о вашем брате по имени Иос, и девчонке, которую он притащил к вашим воротам несколько дней назад, — спокойно говорит капитан и засовывает в рот кусок мяса. — Жрачка у вас отменная.

Глядя на то, как Дерек пытается выбежать из зала, капитан хмурится и достает из за пазухи какой-то камень, а спустя мгновение изо всех сил швыряет его в стену. Раздается высокий свист, заполняющий собой все, выдающий слух без остатка и тут же обрывается.

Следует оглушающая тишина.

А после нее мои многократно усиленные нитями чувства улавливают громкий топот десятков ног со всех сторон.

21

Сердце мое начинает биться, словно безумный зверек в клетке. Я мгновенно собираю все нити, что раскиданы по округе и сосредотачиваю их внутри себя. А потом бегу так быстро, как только возможно, чувствуя, как меня переполняет невообразимая сила.

— Они здесь! — Кричу я ничего не понимающему чивсу, который мирно дремлет в своей комнате. А вот Мелвилл, похоже, сам уже все понял и я едва не налетаю на лезви его меча. Он стоит возле комнаты Иоса и смотрит по сторонам, ожидая нападения.

— Я слышал сигнальный камень, — говорит он кривя лицо. — Это очень плохо.

— Они уже здесь, — говорю я, — Десятки солдат... нужно поднять Иоса.

Я внимательно смотрю на Мелвилла и понимаю, что сейчас в его воле попытаться остановить меня и сдать своим. Наверняка он получит за это большую награду.

Я почти могу читать его мысли в эту минуту и видеть, как внутри его сознания происходит борьба.

Делаю шаг назад, понимая, что, похоже, решение он примет не в мою пользу.

— Пожалуйста, Мелвилл, — говорю я, нарочно не используя нити, чтобы убедить его, приберегая их на самый последний момент, когда уже не останется выбора. Сейчас он либо станет моим настоящим союзником, либо покажет свое истинное лицо.

Мелвилл нерешительно смотрит по сторонам, принимая решение, взвешивая «за» и «против», а потом резко убирает меч в ножны.

Я облегченно вздыхаю.

— Чивс, — отдает Мелвилл приказ солдатским тоном, — мы потащим Иоса, шевелись.

— И без тебя понятно, — бросает Чивс.

Через мгновение они уже выводят Иоса из комнаты. Я распространяю нити вокруг, чтобы видеть, куда можно пойти и не нарваться на солдат. Но они повсюду, кажется, словно они уже заполонили весь огромный особняк Дерека и прочесывают комнату за комнатой.

Я вижу, как двое солдат выбегают в коридор, по которому мы идем. Они двигаются быстро и сразу соображают в чем дело. Но недостаточно быстро для того, чтобы увернуться от моих нитей, которыми я тут же замедляю их движения.

Мелвилл выхватывает клинок и прыгает прямо на них, точным ударом рассекая ремни, удерживающие грудную пластину доспеха того солдата, что находится ближе к нам. Еще мгновение, и меч Мелвилла втыкается солдату в грудь и сердце его затухает, словно погашенная свеча.

Второй солдат, видя это, нерешительно пятится, но Мелвилл сшибает его с ног одним ударом, отчего у того падает шлем.

Я отворачиваюсь, чтобы не видеть последнего удара и только слышу, как тело с грохотом падает на пол.

— Кармина! — кричу я, видя внутренним зрением ее силуэт за поворотом.

— Что происходит, — спрашивает она, с тревогой глядя на меня и моих спутников.

— За нами пришли. Ты слышала шум? Весь дом теперь кишит солдатами Салемса.

— Но что им нужно? Это из за того, что я сказала?..

— Им нужна я, — говорю я и срываю ненужную теперь маску, чтобы Кармина могла видеть мое лицо.

— Так ты та самая, которую они ищут?

— Да...

— Значит мы должны уберечь тебя, девочка, — говорит она решительно, — я проведу вас пойдемте, тут есть один секретный проход, как раз под винным погребом.

Мы проходим по темным коридорам вслед за Карминой, слыша, как над нами топчет множество ног.

— Сколько же они сюда прислали? — спрашивает Кармина. — И все ради одной безобидной девочки? Что же ты такое натворила?

— Если бы я знала...

Мы спускаемся вниз по лестнице, и оказываемся в погребе, сверху донизу заставленном бутылками и бочками, лежащими на боку.

— Сюда, — говорит Кармина и ведет нас к одной из самых больших бочек.

Она надавливает на одну из досок и вдруг стенка бочки падает внутрь, открывая узкий тоннель, ведущий куда-то вперед.

Стоит нам войти в него, на нашем пути начинают зажигаться факелы, освещая дорогу.

Мелвилл и Чивс с Иосом на руках тут же устремляются вперед, спеша покинуть это место. Но я задерживаюсь, глядя на Кармину, которая явно не спешит идти вслед за нами.

— Пойдем, — говорю я, — тут тебя не ждет ничего хорошего.

Она лишь мотает головой.

— Они не пощадят тебя, Кармина, — говорю я. — Они сказали, что...

— Я никуда не пойду без Дерека. Если моя судьба в том, чтобы умереть тут от рук этих солдат, значит так тому и быть. Уходи, я закрою дверь.

— Но Кармина!

— Проваливай! — ее лицо вдруг делается злым. — Чего тебе в моих словах непонятно? Я останусь здесь, пойду искать Дерека. Ясно тебе?

— Они уже схватили его, — с горечью говорю я, отчетливо видя, как сразу трое солдат волокут отбивающегося Дерека куда-то наверх.

— Значит пусть схватят и меня. Я сказала проваливай! Ты привела их в мой дом и тебе пора идти.

Я вижу, как по ее щекам катятся слезы. Она вытирает их тыльной стороной своей изящной ладони.

Я делаю шаг вперед и выхожу из тоннеля.

— Что ты творишь, ненормальная? — вскрикивает Кармина. — Тебе надо бежать!

— Ты права, Кармина, я привела их сюда. И я должна помочь Дереку.

— Ты спятила, девочка? Перегрелась в парилке? Что ты можешь сделать?

— Могу приказать тебе уходить с моими друзьями, которые спасают Иоса, — говорю я, и направляю внутрь сердца кармины все свои нити, заставляя ее отшатнуться и зайти в тоннель. — Помоги им спрятаться, а я освобожу Дерека, обещаю тебе.

Я нажимаю на скрытый рычаг и дверь тоннеля поднимается, скрывая потайной проход от глаз.

22

Я продвигаюсь вперед, стараясь держаться в темных углах, хотя четко знаю, где находится каждая живая душа, что теперь наводняет особняк Дерека. Солдаты обыскивают комнату за комнатой, громко переговариваясь между собой, так что я могу не только видеть их сердца внутренним зрением, но слышать голоса.

— Они были здесь. ПОстели еще теплая.

— Сюда! Двое наших мертвы!

Слышу топот множества ног и прячусь в тень еще глубже, надеюсь, что меня не заметят. Надеюсь, что им гораздо интереснее их мертвые соратники, которых убил Мелвилл.

Как только группа солдат пробегает мимо меня, я быстро поднимаюсь по лестнице, и, минуя других солдат, направляюсь туда, где ярко светится сердце брата Иоса, Дерека. Сердце лихорадочно стучит и я отчетливо ощущаю его боль. Кто-то пытается его, но я пока не могу слышать голоса. Я обещала Кармине, что найду и выгашу его, значит у меня нет другого варианта, кроме как попытаться, хоть. Это и кажется почти невозможным, выбраться из дома, до отказа набитого вооруженными до зубов воинами.

Мне некогда оборачиваться назад, некогда жалеть и взвешивать за и против. Все, что сейчас нужно делать - это двигаться дальше, а там будет видно.

Вижу, что всех слуг, испуганных до смерти, собрали в одной большой комнате. Они трясутся от страха и шепотом переговариваются между собой, пытаюсь понять, что происходит.

— Хозяин чем-то не угодил солдатам князя-дракона, — слышу я сдавленный голос.

— Говорят, это все из за госпожи... Она неучтиво говорила с их капитаном.

— Заткнулись, сейчас же, — рывкает на них солдат, и едва разборчивый шепот замолкает.

Прохожу дальше и вижу группу вооруженных солдат, стерегущих дверь. Теперь я уже могу слышать крики Дерека своими ушами. Отчего все внутри меня сжимается от жалости и ужаса. Они и правда пытаются его.

— Я ничего не знаю, я клянусь вам! — кричит он.

— Где девчонка, поганый ты урод, признавайся!

— Я не знаю, клянусь, что не знаю. Она была в комнате, вместе с братом, и должна была оставаться там. Я не хотел никаких неприятностей, я не знал, что именно ее вы ищите.

— Не смей врать, недоносок, мы вытрясем из тебя правду.

— Пожалуйста! Давайте договоримся, у меня есть деньги, я могу...

Слышится звук хлесткого удара.

— Договариваться надо было раньше. когда у тебя была такая возможность. А теперь все, что тебе остается — рассказать нам всю правду. Если же нет, ты можешь представить себе, что мы сделаем с твоей женушкой.

— Нет, пожалуйста, только не трогайте ее.

— Ты сам делаешь выбор.

Голос сержанта Свифта звучит с такой злобой, что сердце мое замирает и дергается. Невозможно поверить, чтобы в живом человеке было столько ненависти.

Я пытаюсь проникнуть нитями в его сердце, но оно словно коменное и не поддается никакому воздействию, сколько бы я ни старалась. Оно пульсирует красным цветом, переполненное злобой и яростью.

Он размахивается и бьет Дерека в лицо кулаком, так что голова того откидывается назад. Я как могу, залечиваю его раны и ослабляю его боль, но моих сил едва хватает, потому что Свифт наносит удары снова и снова.

— Ну хватит, — лениво осаживает его капитан, — ты так его угробишь и он уже ничего не расскажет.

— Я клянусь вам, капитан, я вытащу из него всю правду, — рычит Свифт и я чувствую, как в его раненой ноге разрастается пульсирующая боль, от которой он злится еще сильнее и сердце его становится непроницаемо черным.

— Я сказал хватит. Иди отдохни Свифт, — грубо говорит сержант. — Доставим его в лагерь, там с ним поговорит дознаватель.

Дверь открывается и сержант, хромая, выходит из комнаты. Он расталкивает солдат и злобно рычит:

— Чего вы тут столпились, бездельники? Идите прочесывать дом. Я хочу, чтобы вы перевернули тут все вверх дном три раза. Они не могли провалиться сквозь землю. Где-то же они прячутся.

У входа остается один скучающий солдат, и как только сержант, прихрамывая, уходит вместе с солдатами, я обрушиваю на часового всю доступную мне силу. Оплетаю нитями его сердце, крепко сжимая каждый кровеносный сосуд и вдруг вижу, как он хватается за грудь, пытаясь снять с себя панцирь. Оружие его падает на пол и он, хрипя и пошатываясь, отходит в сторону, освобождая мне проход в комнату.

Я смотрю на то, как он корчится и мне становится жаль его. Я не хочу доводить дело до конца, и поэтому оставляю нити внутри него,, чтобы жизнь в нем едва теплилась, но он не мог встать и помешать мне.

Я вижу, что капитан сидит спиной к двери и тихонько проскальзываю внутрь, стараясь даже не дышать. .

Вижу его затылок со складкой кожи на шее и лысеющую мокушку. Он с аппетитом что-то жует, поглядывая на связанного и избитого Дерека, сидящего напротив за столом.

— Я не приветствую методы сержанта Свифта, приятель, — говорит он Дереку, и собирает соус с тарелки корочкой хлеба, после чего отправляет ее в рот. — Но ты сам должен понимать, что твой проступок, в принципе, не подразумевает никакой жалости к тебе. Надеюсь ты это осознаешь.

Дерек поднимает глаза и встречается взглядом со мной.

Я киваю ему, стоя за спиной капитана и отпускаю нити, которые избавляли Дерека от боли, перекидывая их на шею капитана.

Дерек вскрикивает, а капитан в эту же секунду хватается за горло, кашляет и падает со стула, дергая ногами. Мне крайне тяжело одновременно удерживать и солдата на входе и капитана, но у меня нет другого выбора, ни того, ни другого я не хочу убивать. Какими бы ужасными людьми они ни были, я не чувствую, что имею право лишать кого бы то ни было жизни.

Я беру со стола нож и разрезаю веревки, удерживающие Дерека.

— Где Кармина? — выдыхает он.

— Она ушла, через погреб, — говорю я, как и твой брат.

— Слава всем богам, — говорит Дерек, морщась.

— Нам нужно уходить.

И тут дверь открывается, и я встречаюсь глазами с сержантом Свифтом, а за его спиной толпится добрая дюжина солдат.

— Убейте девку! — кричит он.

23

— Один шаг, и твой капитан сдохнет, — говорю я, сдавливая нити и заставляю капитана задергать ногами. — Не советую тебе приближаться.

Сержант застывает на месте и я вижу, что кончик его меча подрагивает.

— В моей власти сделать так, чтобы он задохнулся. А после того, как с ним будет покончено, то же самое случится с одним из вас. Решайте, кто будет первым...

Солдаты переглядываются, нерешительно толпясь в дверях. Я вижу сердце каждого из них. Они горят ярким светом и я отчетливо понимаю, что никто из них не хочет умирать.

— Что делать, сержант? — спрашивает один из солдат, нерешительно застыв у двери.

— Прикончите эту тварь! Она убила нашего капитана! — кричит он и срывается с места, в один прыжок оказываясь так близко ко мне, что я могу дотянуться до него рукой.

Вдруг он застывает на месте и смотрит на свою грудь.

Из нее торчит рукоять ножа, которым я только что резала веревки Дерека. Я едва успела заметить, как он выхватил нож из моей руки и одним метким ударом метнул в сержанта Свифта.

— Зря ты ходишь в гости без доспехов, недоумок, — говорит Дерек, подходя к сержанту, и забирает меч из его ослабевшей руки. — Жаль, что ты сдох так быстро.

Он толкает его и сержант падает на пол, громко ударяясь головой о каменную плиту.

Дерек делает шаг и поднимает меч вверх. Я не успеваю ничего сделать и он вонзает клинок в шею корчащегося на полу капитана, обрывая его жизнь.

— Ничего личного, жирная свинья, — говорит Дерек и вытаскивает окровавленный клинок. — Просто я не люблю, когда хамят моей жене.

Солдаты нерешительно переглядываются, не зная, что делать дальше.

— У вас есть выбор, молодые люди. Сдохнуть здесь и сейчас, как ваши офицеры, или уносить отсюда ноги. Лично против вас я ничего не имею, но убью каждого. Извините, но вас я, в отличие от этих уважаемых господ, в гости не звал.

он пинает труп капитана и смотрит в глаза солдатам.

Я боюсь вдохнуть, настолько напряженным кажется воздух между группой солдат и единственным человеком с окровавленным мечом в руках.

— Мы должны забрать девчонку, — неуверенно говорит один из солдат.

— Иди, попробуй, заberi, — отвечает Дерек и улыбается окровавленным ртом, — посмотрим, сколько рук у тебя останется после твоей попытки.

— Она преступница и должна быть доставлена в столицу, для того, чтобы предстать перед судом императора. Никто не может быть против этого. Каждый, кто встает против императора, встает против империи.

— Да что ты говоришь, сосунок, — передразнивает его Дерек, — мне дела нет до вашего императора, особенно, после сегодняшнего. Если ему так хочется, пусть сам сюда явится и объяснит мне, почему я должен отдавать кому-то беззащитную девочку, которая никому не сделала ничего дурного.

— Она жена отступника и должна ответить...

— Все, что я знаю о ней - она жена моего брата, а он и мухи не обидит, если, конечно, его не трогать. Так что сложите свое оружие и проваливайте, пока целы.

— Князь Салемс этого так не оставит, — неуверенно говорит солдат.

— Пошел в пекло ваш Салемс. Кто хочет умереть за него, можете подходить, отведайте стали.

Солдат делает шаг вперед.

— Ты сам сделал выбор, — говорит солдат и обнажая клинок, приближается к Дереку. Остальные солдаты медленно заходят в зал, беря нас в кольцо.

Я зажмуриваюсь, чтобы не видеть то, что сейчас произойдет и лишь пристально слежу за сердцами солдат, пытаюсь утихомирить их, заставить сложить оружие. Но конечно, моих сил не хватает сразу на всех.

— Пожалуйста, пожалуйста, пусть это кончится, — шепчу я в ужасе, обхватывая голову руками. Чувствую, как все нити, что есть в моем распоряжении вдруг разгораются нестерпимо ярким светом, как будто их напитывает невероятная внешняя сила.

И вдруг одно из сердец неожиданно гаснет и я слышу, как один из солдат падает на пол, гремя доспехами. За ним гаснет еще одно сердце и еще.

Словно кто-то выключает их, как будто они не люди, а свечи.

Солдат, который замахивается мечом на Дерека, замирает и слабо вскрикнув, падает на землю. Недолго дергает ногами, стуча железом о деревянный пол и совершенно затихает.

Комната погружается в гробовую тишину.

Открываю глаза и не веря в происходящее, оглядываюсь по сторонам. Вокруг нас с Дерек-ком лежат тела солдат.

Неужели это сделала я?

Нет... Этого не может быть... Я не хотела. Да и не смогла бы.

Я сажусь на корточки и трогаю одного из поверженных солдат. Мой внутренний взор не обманывает меня. Он мертв...

Получается, что я убийца?

— Это ты сделала? — спрашивает ошеломленный Дерек.

Я лишь молча качаю головой.

И в это мгновение я слышу тихие шаги в коридоре.

Встречаюсь взглядом с Дерек-ом. Тот стискивает зубы и поднимает с пола еще один клинок, готовясь встретить врага.

Шаги приближаются, становясь все ближе.

В дверях появляется человек в темной мантии с капюшоном на голове, за которым нельзя разглядеть его лица.

Он спокойно переступает через мертвого солдата, а потом откидывает капюшон, обнажая лысую голову сплошь покрытую ожогами, и смотрит мне в глаза.

— Наконец-то я нашел вас, Леди Сандерс. Слава первому дракону, вы живы!

24

Человек идет прямо ко мне, переступая через мертвецов, и вдруг Дерек заводит меня за спину, заслоняя меня от незнакомца, и направляет кончик своего меча ему в грудь.

— Больше ни шагу, — угрожающе говорит он.

— Я вам не враг. Спросите у Анны, кто я такой.

Мягкий голос человека будит во мне какие-то смутные воспоминания. Словно я когда-то уже слышала его. Когда-то давно, словно в прошлой жизни. В памяти возникает образ комнаты с жаровней и какое-то новое, а точнее, доавно забытое чувство сопричастности с чем-то.

— Пожалуйста, уберите меч, Дерек, я не хочу причинить вам вред, но мне не нравится, когда на меня направляют оружие.

— Ты знаешь этого драконоверца? — спрашивает Дерек, оттесняя меня назад.

— Не уверена, — говорю я. — Возможно, мы были знакомы когда-то, еще до того, как я попала к Иосу. Но я не помню ничего из той жизни.

— Так вот в чем дело, — задумчиво говорит обожженный мужчина.

— Почему они все упали? — спрашивает Дерек.

— Потому что прот

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.